

КОМАНДИР

КОМАНДИР

КОМАНДИР

КОМАНДИР

КОМАНДИР

КОМАНДИР

КОМАНДИР

КОМАНДИР

КОМАНДИР

КОМАНДИР

КОМАНДИР

КОМАНДИР

КОМАНДИР

КОМАНДИР

КОМАНДИР

КОМАНДИР

КОМАНДИР

КОМАНДИР

КОМАНДИР

КОМАНДИР

Халява для РАЗЗЯВЫ

ПАРАШЮТ

НА БЕЗРЫБЬЕ И ЗОНТИК

Комедийный боевик

Кондратий Жмуриков

Халява для раззявы

«Научная книга»

Жмуриков К.

Халява для раззявы / К. Жмуриков — «Научная книга»,
— (Комедийный боевик)

У Фили Лоховского теща помирать собралась. Везет же мужику! А у нее, оказывается, марочка почтовая припрятана в старых журналах. Махонькая такая, а стоит пол-«лимона» баксов. Да вот беда: журналы эти Филя букинистам сдал, их раскупили, а марочка тю-тю. А тут еще и теща помирать раздумала. Нет, не везет мужику. Кинулся Филя марочку искать, а следом – теща с хахалем-бандюком и пронырливый алкоголик Костя Сивухин. И закрутилась карусель! А точку в ней поставил маленький мальчик. Внес в дело окончательную ясность, сидя на своем горшочке...

Кондратий Жмуриков

Халява для раззявы

В коммунальной квартире города Кукуевска помирала, отравившись чипсами, теща Фили Лоховского. Теща возлежали-с на железной кровати с панцирной сеткой, а вокруг нее сновали жена Филимона с испуганным лицом, любопытные соседи и какие-то дальние родственники. Теща тихо постанывала приговаривая:

– Помру, ой помру я скоро. За что мне такое наказание, за грехи мои тяжкие.

После бессонной ночи проведенной у постели умирающей тещи, Филя плохо соображал и еле держался на ногах. Он вышел в общий коридор, присел на подоконнике и закурил «Астру». В коридоре было тихо и прохладно. Мыслями Филимон вернулся на пару дней назад, в день, который стал роковым для него и его семьи. В тот день, когда он стал невольным убийцей собственной тещи.

Каждый шаг к дому давался с трудом. Филимон Аркадьевич, он же Филя, он же м.н.с. НИИ НЕСМОГВПРОКВЗЯТЬстроения возвращался в свою коммуналку с работы. Вернее, с бывшей работы. Сегодня перед лицом всех товарищей ему почетно вручили уведомление об увольнении по сокращению штатов.

Филимон Аркадьевич понуро брел домой и оплакивал свою горькую судьбу, свою несчастливую звезду. А какой еще она может быть у человека с дурацким именем Филимон, сокращенно – Филя или просто Филя?

Родители, обожавшие все исконно русское, дали мальчику это редкое и красивое, как им казалось имя, и обрекли его тем самым на вечные муки и страдания. С тех пор все у него пошло наперекосяк. В школе его вечно дразнили Филькой, девочки не желали с ним дружить. Как можно дружить с рыжим конопатым курносый? Лицом своим Филимон был так же обязан родителям. Иногда, он ужасно жалел, что мамаша его была преданной и верной супругой папаши. Что ей стоило закрутить роман с каким-нибудь высоким красавцем с римским профилем. Так нет же. Филя получил от собственного папаши не только курносый нос, рыжие вихры, но еще и оттопыренные уши и фамилию Лоховский. А с такой фамилией в наши дни удаче не видать тем более.

Однако, со своим именем и заурядной внешностью Филя давно смирился, потому что в его жизни было гораздо более страшное – теща. Перед ней он и должен был предстать в данный момент и потому ноги его еле несли к дому, к бывшему родному дому, Вернее к комнате, доставшей от родителей Филимона.

Обшарпанные стены подъезда выглядели отталкивающе, раздолбанная лестница жалобно скрипела от каждого шага. Филе казалось, что это – восшествие на Голгофу. Он подошел к двери, взглянул на таблички с фамилиями соседей: «Петровым» – 1, Сивухиным – 2, Козябкиным – 3, Лоховскому – 4. Звонить он не стал, порывшись в кармане, нашел ключ и открыл дверь. На счастье, никого из многочисленных соседей в коридоре не оказалось. Объяснять, почему он так рано с работы, не хотелось. Филя разулся прошел подлинному темному коридору держа в руках старые ботинки. Аккуратно поставил их, тихонько толкнул дверь комнаты и... чуть не заплакал.

В его любимом кресле восседала Нина Михайловна, возле нее на табуретке стояла двухлитровая пластиковая бутылка с пивом и лежали пара пакетиков с чипсами. Теща хрустела картофельными кусочками, будто перемалывала кости самого Филимона. Пиво и чипсы Филя выиграл пару дней назад на какой-то дурацкой лотерее. Филимон, которому никогда не везло в азартных играх был на седьмом небе от счастья. Он уже представлял, как посидит с другом детства Пашкой Колбасовым у него дома в субботу, в его холостяцкой берлоге и отметит эту удачу.

Ни жене, ни тем более теще, Филимон не рассказал о выигрыше. Зачем? Он и так все отдавал до копейки Нине Михайловне, которая самолично распоряжалась семейным бюджетом Лоховских. Попробовал бы он не отдать. Однажды он пытался противостоять насилию, а потом долго объяснял ребятам в институте, что просто ударился об угол. Бутылка и чипсы были надежно спрятаны в коробке с макулатурой, хранившейся на антресолях. И вот теперь, мечта о «празднике» жадно пожиралась мадам тещей. Вот тогда-то не сдержавшись, мысленно Филимон произнес ту ужасную фразу: «Чтоб ты обожралась до смерти, старая стерва...»

В тот же вечер теща почувствовала себя плохо. Самое ужасное, что Филимон почувствовал радость. Он понимал, что это мелко, подло, низко, но ничего с собой поделать не мог. Теща покорно сносила все эксперименты над своим несчастным желудком. Каждый сосед своим долгом считал посоветовать свой собственный, фирменный рецепт. Испробовано было все от клизм, до дорогостоящих импортных лекарств с непонятными и даже зловещими названиями. Ничего не помогало.

Филя представил, что сейчас на этой самой кровати должен был мучиться он сам. Надо же, ну нет ему везенья в жизни. Один единственный раз что-то выиграл и то оказалось несъедобным, некачественным. И все же ему повезло, теща один-единственный раз сделал для него доброе дело. Нашла это злополучное пиво и чипсы. Эта мысль придала Филе некоторую бодрость. Значит полоса невезения закончилась. А раз так, надо начинать жить по-новому. Филя поднялся с подоконника распрямил плечи и уверенной походкой вошел в комнату.

Тещу – в ее квартиру, тещины вещи – на мусорку. У Нины Михайловны Мерзеевой была своя собственная, отдельная квартира в так называемом спальном районе. Но ее не устраивали отдаленность от центра и отсутствие объектов над которыми она могла командовать. Поэтому почти с самого первого дня женитьбы Филимона Аркадьевича на ее дочери Нина Михайловна жила с ними в коммунальной квартире. К себе же в отдельное изолированное жилье она их не пускала, предпочитала сдавать квартиру.

«Но теперь все будет по-другому, все будет по-новому. Никаких унижений, никаких издевательств» – с этой мыслью Филимон приступил к активным боевым действиям.

С чего начать? С тещино барахла. Надо дать им всем понять кто в доме хозяин! Филимон открыл дверцы шкафа, достал старенькую наволочку и начал аккуратно и методично складывать в нее фарфоровых зверюшек, голых амурчиков с рожами даунов, и прочих, горячо любимых тещей, уродцев. Этих зверей Филимон Аркадьевич ненавидел всей душой, они тарасились по ночам на него своими безжизненными глазами и гнусно ухмылялись, напоминая о его месте в этой семье. На них все время скапливалась пыль, от которой Филимон постоянно чихал. Эти подлые существа всегда неожиданно оказывались у него под рукой. Из-за каждой разбитой твари в доме возникал скандал. Наволочку заполненную статуэтками он вынес к мусорным бакам, с чувством глубокого удовлетворения.

Затем Филимон переключился на старые газеты и бумаги, хранимые тещей. На них пыли было гораздо больше, чем на ее фаянсовых любимцах. Причем, весь этот мусор Нина Михайловна предпочитала хранить в комнате у Филимона. Коробки и коробищи, заполненные старыми подписанными открытками, ленточками от цветов, пожелтевшими письмами и всякой прочей ерундой он вынес из квартиры.

Оставалось самое главное «сокровище» – подшивки журнала «Будни механизатора» времен экспедиции товарищей Папанина и Маманина в Антарктиду, этот журнал старуха хранила как зеницу ока. Подшивка этого безобразия занимала много места в книжном шкафу Лоховского, тогда как его любимые книжки были стопочками разложены на полу, на подоконниках и без того захламленной комнаты.

Что делать с журналами, он не знал. Вот тогда-то в голову пришла великолепная, а главное справедливая идея – сдать их в букинист, а на вырученные деньги купить пива и чипсов. И отметить с другом Пашкой Колбасовым «освобождение» от тещи.

Филимон оделся и вышел из дома. Через час он вернулся с небольшой, но достаточной суммой денег. Соседей в комнате не было, жены тоже. Теща дремала, раскинув на кровати свое монументальное тело. Услышав скрип двери Нина Михайловна открыла глаза.

– Филимон, Филюшечка, подойди ко мне, – ласковым шепотом позвала его Нина Михайловна.

Филя вздрогнул от неожиданности. Нина Михайловна никогда не разговаривала с ним таким образом и никогда не называла его Филюшечкой. Так ласково к нему обращалась мама в далеком детстве. Значит теще действительно плохо, подумал Лоховский. Филимон с опаской подошел к кровати, на которой возлежала теща.

– Прости меня, Христа ради, за все что я сделала. Слова мои так, звук пустой, я делом хочу доказать, – просипела теща.

Филимон видя такую разительную перемену в Нине Михайловне, едва не прослезился, готовый простить и понять:

– Что вы, что вы, Нина Михайловна, я вам все-все прощаю. Ничего мне не надо.

– Молчи, не перебивай – неожиданно рывкнула теща, а потом снова перешла на шепот умирающего, – я хочу тебе оставить деньги, большие деньги.

У Фили от услышанного чуть ноги не подкосились, он наклонился ближе, чтобы не пропустить ни одного тещино слова. Филимон так сосредоточился на Нине Михайловне, что не услышал как проходивший по коридору, сосед Сивухин притаился у них за дверью.

Сивухин вышел из своей комнаты с одной единственной целью – попробовать борщечку из соседской кастрюли. Этот вечно пьяный, вечно голодный, неухоженный субъект частенько выходил на охоту за соседской жратвой. Там половничек супа, там пару ложек макарон, там стакан компота – вот и сыт себе. Не пойман так сказать, не вор. А как поймать? Ну меньше супа стало? Да выкепел! Меньше макарон? А уварились! Хозяйкам следить за варящейся, жарящейся пищей некогда. Стирки, глажки, опять же сериалы.

Сивухину уже несколько раз подходила очередь на отдельное жилище. В его комнатухе были прописаны и бывшая жена, и дочь, давно нашедшие себе порядочного мужа и отца. Однако Сивухин всякий раз отказывался переезжать, мотивируя тем, что здесь – его Родина.

Помимо прочих достоинств Сивухин обладал еще одним – замечательным слухом. Подслушивание было страстью Сивухина. Он мог согнувшись часами стоять у замочной скважины, прикладывая ухо к холодной и шершавой стене. Подслушивание давало Сивухину ощущение семьи, погружение в личную жизнь соседей делало их близкими родственниками. Вот и на этот раз Сивухин ничего не мог поделать со своей страстью. Услышанное в ту минуту навсегда перевернуло его жизнь.

Нина Михайловна громким шепотом поведала зятю «страшную тайну»:

– Филимон я хочу оставить тебе наследство, большое наследство. Обещай, что часть денег ты отдашь в храм, а часть оставишь себе. Поклянись самой страшной клятвой, – приказала теща.

Филимон тупо уставился на тещу, ему казалось, что он сошел с ума. Поведение тещи было настолько необычным, что все это казалось сном.

– Ты, что оглох, – злобно прошипела теща, дергая его за рукав. – Клянись.

– К-клянусь, – пролепетал вконец замороженный Филимон, – самой с-страшной клятвой.

Теща прикрыла глаза, едва сдерживая очередной приступ тошноты:

– В одном из номеров журнала «Будни Механизатора» лежит марка. Это очень редкая и ценная вещь, я хранила ее всю жизнь, в память о...

Филимон проворно подставил теще тазик, и аккуратно вытер ей рот платком.

Теща продолжила:

– Это был великий человек, он улетел..., но... обещал вернуться... Марка стоит много очень много, я узнавала... Мужчина с палкой, возле дома... Я всегда хотела в Сингапур, чтоб лиловые негры... Теперь вот не успею...

«Господи, – озарило Филимона, – да ведь она бредит. Точно, у нее просто крыша поехала».

Эта мысль привела Филимона в чувство.

– Нина Михайловна, я пожалуй пойду скорую вызову, – сказал Филя и сорвался с места.

Мысль о том, что теща не такая уж стерва, побудила его к активным действиям. Он наклонился над ней, пощупал горячий лоб и почти с нежностью промокнул капельки пота на ее широком скуластом лице.

Сивухин, ставший «слушателем» этого разговора, дождался пока за Лоховским не хлопнет входная дверь и тихонько проскользнул в комнату. Убедившись, что Нина Михайловна находится в крепких объятиях Морфея, он рванул к серванту.

Глаза скакали от полки к полке, тело сотрясал мелкий озноб, руки были ледяными. От нетерпения Сивухин пританцовывал на месте. Верхняя полка – ничего, нижняя – пусто, на шкафах подшивки журналов тоже не было. От отчаяния Сивухин застонал. Вот гад, Филя, опередил. Уже прибрал к рукам подшивочку. Сивухин огляделся по сторонам, чтобы слямзить и увидел на столе начатую пачку «Астры». «С паршивой овцы, хоть шерсти клок,» – подумал Сивухин, оглянулся на умирающую и вытащил пару сигарет. Через секунду ничего не напоминало о пребывании в комнате Лоховских этого неприятного субъекта. Разве что слегка сивушный аромат, смешанный с запахом давно немытого тела и дешевых сигарет.

Скорая приехала довольно быстро, тещу положили на носилки и два дюжих санитара с трудом дотащили ее до машины. Филимон в больницу не поехал, отправив туда жену. Все оказалось не так страшно, как представляла Нина Михайловна. Доктор сказал, что это типичный случай острого пищевого отравления на фоне чудовищного переедания. Пару-тройку дней Нину Михайловну еще продержат в больнице под капельницами и клизмами, а потом отпустят домой.

Наконец-то Филимон вздохнул спокойно, приятно снять с себя ощущения вины, знать что ты – не убийца (пусть даже собственной тещи). Это был повод, который стоило отметить. Два дня Филимон жил как в раю: долго нежился в постели, смотрел по телевизору свой любимый футбол, играл с женой по вечерам в шашки. Конечно же он признался ей, что его сократили и клятвенно пообещал в ближайшие дни стать на биржу. Машенька его была женщиной понятливой и спокойной. Филимон часто задумывался как у Нины Михайловны могла родиться и воспитаться такая дочь. Это оставалось для бывшего младшего научного сотрудника загадкой.

Теща быстро шла на поправку и через пару дней должна была явиться домой. Филимон, боевой заряд которого давно прошел, с тоской думал об этом возвращении, но сделать ничего не мог. В животе появлялось холодное неприятное ощущение всякий раз, когда Филимон Аркадьевич думал о предстоящем разговоре с Ниной Михайловной.

В день выписки он малодушно ретировался к лучшему другу Паше. Надлежало для храбрости принять грамм 250. На сухую разговаривать с тещей было выше сил Лоховского.

Пашка как всегда был рад. Для него человек с бутылкой – свой человек. Тем более, если этот свой – Филя Лоховский собственной персоной. После третьей или четвертой бутылки, обсудив международное положение, повышение цен, неправильную политику родного правительства, Филимон засобирался домой. Теперь он дошел до той самой кондиции, которая делает человека бесстрашным идиотом. Человеком которому все по... колено.

Филимон поднялся на свой этаж и начал звонить долго и упорно. Дверь не открывали. Лоховский порылся в карманах, выудил огрызок яблока, замусоленный платок, смятую пачку сигарет и ключи. Подлый ключ никак не хотел стыковаться с замочной скважиной. Наконец

стыковка состоялась. Дверь отворилась, впустив Филимона в чрево родной коммунальной квартиры. В коридоре как всегда было темно. Не то чтобы соседи жмотились на лампочку, вовсе нет. Просто эту самую лампочку периодически выкручивал Сивухин. Целую выкручивал – перегоревшую вкручивал.

Этот фокус Сивухин проделывал всякий раз, как в его комнате перегорал свет. Соседи долго возмущались заводскому браку, пока однажды не застали Сивухина на месте преступления. За что тот был нещадно бит, но дело свое не прекратил. Слежка и наказание Сивухина оказались делом трудоемки, соседи решили пойти другим путем. А именно – лишить Сивухина источника света. Вот уже второй год никто не вкручивал новой лампочки. Если кто из соседей ждал гостей, по такому случаю выносил в коридор настольную лампу, жег лучину или вкручивал на пару минут свою персональную лампочку.

Вот и сегодня Филимона встретила привычная темнота, пошатываясь он брел к своей комнате, задевая ящики, коробки соседей. Ничего пусть слышать все, Филимон Аркадьевич домой вернулся, в свою собственную родную комнату. Филя представлял как он сейчас войдет в комнату. Обязательно надо толкнуть дверь ногой, нужно не забыть. Итак, сейчас он ввалиться в комнату, подбочениться, грозно глянет на тещу и сплюнув на пол (вот это хорошо, это впечатляет. Жалко все зубы целы, а то можно было бы сплюнуть через дырку, как делали самые хулиганистые пацаны в далекой юности) скажет: «Ну, что курва, старая, сама к себе поедешь или тебе помочь собраться?!» От такой нарисованной картины Филимону стало хорошо на душе. Он толкнул дверь ногой и с наглой улыбкой (совершенно несвойственной воспитанному мальчику из интеллигентной семьи) стал на пороге своей комнаты:

– Ну, кур...

Слова застряли у Филимона в горле, кураж и хмель мгновенно исчезли. Лицо из нагло улыбающегося стало заискивающе-извиняющимся. Комната походила на поле Куликово, Бородино и Ватерлоо одновременно. На полу валялись обрывки газет и журналов, книги, осколки битой посуды, белье. Кое-где со стен были сорваны обои и отодвинута мебель. В центре этого беспорядка как монумент, на коленях, стояла теща с бледным лицом и трясущимися губами. Возле Нины Михайловны стояла напуганная Машенька, держащая в руке совок и веник.

Теща, продолжая стоять на коленях, подняла тяжелый взгляд на Филимона. Филя сразу почувствовал себя кроликом, приготовленным на ужин удаву. Самое ужасное, что кролик понимал, что ему уготована долгая и мучительная смерть. Смерть длиною в целую жизнь. Лоховский завороченно смотрел, как теща медленно поднимается с колен и так же медленно приближается к нему. От страха или какого-другого чувства Филя громко икнул и сказал:

– Здравствуйте, мама! Вижу, вы себя уже хорошо чувствуете!

– Ааа-аа, гад ты еще и издеваешься, – заорала Нина Михайловна и бросилась на Филимона. Лоховский, не ожидав такого рывка, покачнулся и упал вместе с тещей на пол. Теща придавила его своим грузным телом и схватила руками за шею:

– Где?! Где?! Где?! – дико орала она, тряся Филимона как тряпичную куклу. – Где журналы, сволочь?

Лицо Филимона побагровело, дыхание перехватило и он прекратил всякие попытки освободиться из объятий любимой тещи. Перед глазами Лоховского пронеслась, как скоростной лифт, вся его короткая несчастная жизнь. Как жаль умирать молодым, да еще от рук такого чудовища! Ничего он в жизни еще не видел, ничего не пробовал и уже никогда не попробует.

Но не настал еще тот печальный час, час предначертанный каждому его собственной судьбой. Из лап злобной тещи вырван был Филимон ангелом-хранителем. На этот раз он предстал в образе соседа Сивухина, который в этот самый момент проходил по коридору:

– А что это вы тут делаете? – спросил Сивухин, просовывая голову в приоткрытую дверь. Увиденное было истолковано совершенно превратно. Барахтающийся в стальных объятиях Нины Михайловны Лоховский вызвал удивление. – Вот это да! У вас что тут, оргия? При

живой-то жене. Ай-да, Филя! Ай-да сукин сын! Я давно подозревал, что у тебя с тещей шуры-муры. С чего бы ты терпел у себя так долго мегеру эту. Ну ты даешь, половой гигант! – Сивухин похабно заржал, изобразивши довольно непристойное движение туловищем.

Побагровевшая теща перевела налитые кровью глаза с зятя на соседа, разжала объятья и поднялась с колен. Нашарив ногой что-то тяжелое (том энциклопедии «Садовода-Огородника»), она подняла его с пола. Сивухин был конечно же придурок, но не псих. Отчетливо понимая, что связываться с Ниной Михайловной – себе дороже, он послал воздушный поцелуй и скрылся за дверью. Громко затопал, хлопнул своей дверью и на цыпочках вернулся к комнате Лоховских. И вовремя успел подслушать нужное.

Голос Нины Михайловны за дверью звучал глухо и от того казался еще более зловещим.

– Я тебя в последний раз спрашиваю, урод, куда ты дел «Будни механизатора»? Где марка?

– Я думал, вы бредите, я не знал... простите меня... Я больше никогда... Я всегда... – что-то бессвязное лепетал Лоховский.

За дверью послышался звук оплеухи, Сивухин на всякий случай отступил от двери, но свой пост не бросил.

– Ай! – вскрикнул Лоховский, – я буду жало...

Снова раздался звук оплеухи и вскрик, на этот раз женский, тоненький и жалобный. «Наверное, Машка, – подумал Сивухин с завистью. – Гляди-ка, жалеет этого придурка».

В подтверждении мысли послышались рыдания и голос жены Лоховского:

– Мама, мама, прекрати, ему же больно. Я тебя прошу. Я куплю тебя пять, сто, двести марок. Не трогай его.

– Мо-о-лчать, – рявкнула теща, – еще ты не влезала. Я тебе всегда говорила, что Лоховский твой придурок, тряпка. Я тебя предупреждала! Где марка?! – заорала теща с удвоенной силой.

– Я отнес журналы в магазин «Букинист» позавчера, все 12 номеров, – сказал Филимон, понявший, что отпираться бессмысленно.

Это признание отрезвило тещу, она вдруг успокоилась и спросила:

– Сколько тебе за них дали?

– П-пятьдесят, – заикаясь, ответил Филимон.

– Долларов? – утвердительно спросила теща.

– Нет, рублей. Я пива купил, чипсы... Мы с Пашкой...

За дверью что-то громынуло так, что пол затрясся даже в коридоре. Сивухин глянул в замочную скважину – мадам теща грохнулась в обморок. Вернее у нее подкосились ноги и она рухнула со всей своей дородностью на пол.

– Идиот, дебил, даун! Для тебя еще слова в словаре не придумали! Разорил, по миру пустил, ограбил... – теща истерично смеялась и плакала одновременно. – Пятьсот тысяч баксов за пиво и чипсы...

От услышанного волосы на голове у Сивухина зашевелились, такие деньги он себе даже представить не мог. Это сколько же сосисок можно купить на такую кучу денег, а сколько бутылок «Анапы»? Господи, вот счастье дураку привалило, а он... «Стоп, стоп. Сивуха, застынь и слушай, что этот лох своей теще дальше говорить будет,» – мысленно приказал себе Сивухин. Руки его тряслись, ухо все время проскакивало мимо замочной скважины. Пока Сивухин собирался с силами он чуть не упустил самое главное – место, место где лежат на блюдечке с голубой каемочкой 500 тысяч баксов!

Тем временем там, за дверью, сделалось подозрительно тихо. Сивухе было слышно только свое собственное прерывистое дыхание.

– Филя, Филимоша, сынок, – очень ласково сказал теща, обращаясь к Лоховскому, – если ты сейчас же мне не скажешь, в какой магазин сдал журналы, я тебе покажу кузькину мать.

Я устрою тебе райскую жизнь. Сначала я оторву тебе голову, затем заставляю сожрать свои собственные уши...

От этой абсурдной и в принципе невыполнимой угрозы Сивухину стало ужасно жутко. Так жутко, как в раннем детстве, когда он ждал появления Бабая, который должен унести его, Костика Сивухина, на Лысую Гору и мочился от страха в постель. Лоховскому, видимо, стало так же страшно:

– Магазин «Букинист» возле кафе «Звездочка», т-только у них два дня выходной.

Информация была получена, Лоховский был больше не нужен теще.

– Во-он, чтоб ноги твоей здесь больше не было. Если через пять минут ты не уберешься с глаз моих, я тебя придушу.

Лоховский попытался было возразить или отсрочить позорное изгнание, из своей собственной комнаты, между прочим, но не смог противостоять теще. Сивухин еле успел отскочить от двери, пропуская вперед мчавшегося, словно выпущенная из арбалета стрела, Лоховского. Изгнание Филимона Аркадьевича из семьи состоялось. Важная информация была услышана, Сивухина больше ничего у дверей Лоховских не удерживало.

* * *

На улице моросил дождь, холодный пронизывающий ветер поднимал вверх фантики, клочки газет, пустые сигаретные пачки. Филя, подняв воротник своей курточки, понуро брел по улице. Самому себе он напоминал такой же, никому не нужный фантик, гонимый ветром. Только его ветром была Нина Михайловна. Идти было некуда. Филимон позвонил другу Пашке, но у того дома была дама сердца. «Какое, однако у Пашки большое сердце» – подумалось вдруг Филимону. Каждые два дня у него появляется новая дама, причем с прочими своими сердечными зазнобами он никогда не порывает. Друг Пашка жил по принципу: «Чем больше подружек, тем налаженнее быт холостяка. „Взгляд, конечно варварский, но верный.“» Филимон всегда завидовал способности друга любить несколько женщин одновременно. Сам он так к сожалению, а может и к счастью не мог.

Погруженный в свои размышления, Филимон незаметно добрел до вокзала. Место в котором собираются и счастливчики и неудачники. Счастливчики уезжают или встречают, неудачники греются в надежде заработать или украсть. Филимон примостился на одном из подоконников, засунул руки в карманы, поднял воротник своей курточки и закрыл глаза. Шум вокзала постепенно слился в один убаюкивающий звук, тепло помогло расслабиться и Филимон Аркадьевич нырнул в густой, липкий сон. Во сне было так хорошо, что возвращаться к суровой реальности не хотелось. Но сон имеет обыкновение заканчиваться, а реальность длиться бесконечно. Филимон был самым бесцеремонным образом разбужен милиционером, потребовавшим предъявить документы. Филя покорно достал паспорт и протянул бдительному стражу порядка. Тот заглянув на лист с пропиской документы вернул, процедив сквозь зубы.

– Вы что тут делаете гражданин? Здесь сидеть не положено. Вон в зал ожидания, если ожидаете. А без дела тут шляться нечего. Развели бомжатник, ночуют все кто ни поподя. Потом вещи у пассажиров пропадают.

Филимон виновато дернул головой, попытался придумать правдоподобное объяснения, выдумать убедительнейшую причину присутствия на вокзале, но не смог. Да и объяснять было уже некому. Милиционер разбирался с одичавшего вида мужичком, в длинном дамском пальто с меховым воротником. Воротник был облезлый, висевший клоками. На босых ногах бомжа болтались калоши. Филимона это немного удивило, калоши он не видел уже лет тридцать. Давно-давно, еще детсадовцем он ездил в гости к бабушке. Старушка обожала калоши и носила их в любую погоду. Родители говорили, что она немного не в себе. Что значит „не в себе“ маленькому Фильке было не очень понятно, но казалось страшным и заразным. Так же пока-

залось и сейчас. На месте этого опустившегося мужика в калошах Филимон представил себя, Через год после пребывания на этом вокзале. Сначала он будет пытаться вернуться домой, искать работу и жилье. Потом простудиться заболеет, начнет подбирать окурки и просить милостыню. Одежда истреплется и прохудится... От этой картины у Филимона Аркадьевича защипало в носу и перехватило горло, он едва не зарыдал в голос.

Ужасно хотелось есть, Филя прошел мимо столиков привокзального кафе, прикидывая сколько сейчас может стоять стакан чаю. Пока он мучительно раздумывал хватит ли его рубля к стойке подошел атлетического сложения молодой человек, с короткой стрижкой, в теплой добротной куртке и светлых джинсах. На вид ему было лет 25, может чуть больше. Парень заказал две бутылки пива, пару гамбургеров, пакет чипсов и направился к одному из пустующих столиков уверенной походкой.

Филимон робко улыбнулся грудастой продавщице в белом крохотном чепчике, который с трудом держался на ее огромной львиной гриве, цвета переспевшей вишни.

– П-простите, – извиняющимся тоном проговорил Лоховский, – я дико извиняюсь, вы не могли бы мне сказать сколько стоит стакан чаю? – как можно быстрее, боясь, что его прервут, проговорил Филимон Аркадьевич.

Мисс „Бюст Вокзала“ холодно взглянула на Филю и нехотя ответила:

– Три.

Филимон набрался мужества и спросил снова:

– А без сахара?

– Три, – все также холодно ответила продавщица.

– Ну, тогда мне половину стакана чая, – тихо-тихо попросил Лоховский и добавил, – пожалуйста.

„Мисс Бюст“ со злостью взглянула на Лоховского, на ее щеках появились круглые красные пятна, глаза подозрительно заблестели. Филе даже показалось, что ее волосы зашевелились на голове, как змеи у Медузы Горгоны.

– А может тебе еще изюма из булочки наковырять, алкаш несчастный! Как zenки заливать бабки у вас есть, а как... – заорала на весь вокзал продавщица.

Филимон Аркадьевич заметил как на ее крик оборачиваются посетители вокзала. Филимон мог снести многое, но не общественное презрение. Он попытался отстоять свое честное имя. Правда вышло у него это не совсем так, как надо.

– П-почему сразу алкаш? Если человеку нужно полстакана чая, он должен их получить. Вы обязаны налить мне столько, сколько нужно.

Филя сам удивился своей смелости, видимо все унижения последних дней, а может и лет накопились в нем и вырвались наружу. Лоховский для большей убедительности своих слов стукнул кулаком по прилавку, нечаянно задев блюдечко с мелочью. Монеты рассыпались по прилавку, упали на пол. Филимон Аркадьевич, как воспитанный человек начал собирать деньги с полу. Он хотел как лучше, а вышло...

Продавщица восприняла его действия как попытку ограбления.

– Ми-иии-лиция! Ми-и-и-лиция! – вдруг завопила она тоненьким, пронзительным голосом, напоминающим вой сирены, типичной для милицейского „газика“.

Филимон от неожиданности отскочил от прилавка и натолкнулся на один из столиков. Столик покачнулся, как при сильной качке. Солонка, пустые стаканы, тарелки, грязные салфетки все это с шумом, звоном и грохотом оказалось на полу. Продавщица выскочила из-за прилавка, пытаясь ухватить Лоховского за рукав и задержать до прибытия стражей порядка. При этом она продолжала вопить:

– Караул! Грабят! Помогите! Спасите!

Со стороны картина выглядела иначе. Маленький, щупленький человечек пытается вырваться из стальных объятий здоровой бабищи. Голова его дергалась на тонкой шее, всякий раз, как женщина начинала орать с новой силой.

Филимон с ужасом заметил, как из дальнего угла вокзала, от касс предварительной продажи, бежит тот самый милиционер. „Все, конец“ – понял Филя, – теперь тюрьма, каторга, Сибирь». Еще секунда и он упадет в обморок, сознание померкло, силы оставили его.

И вдруг все закончилось. Его перестали трясти, крик так же внезапно смолк как и начался.

– Мадам, ну чего вы так орете, пардон, кричите? – спросили за спиной у Лоховского приятным мужским голосом.

«Мадам Бюст» повернулась и от неожиданности выпустила свою жертву. На нее слегка насмешливо, но очень сексуально посматривали карие глаза молодого красавца. На полных, выразительных губах играла легкая нагловатая улыбка. Лоховский узнал парня, тот самый который покупал гамбургеры пару минут назад.

Продавщица с интересом взглянула на молодого человека.

– Красавица, – сказал он таким голосом, что продавщице захотелось... – Может быть мы уладим это дело полюбовно? Зачем нам нужен третий? Вы же не хотите быть третьим? – спросил молодой человек у Лоховского.

Филимон молча кивнул головой, продавщица ослабила мертвую хватку, замороженно глядя на говорящего.

– Сейчас мы все это уладим миром, – сказал он, – достал бумажник и выложил на столик несколько крупных купюр. – Товарищ, не хотел вас обидеть. Разве можно обидеть такую... – «такую» молодой человек выделил бархатным голосом особо, – женщину.

Продавщица кивнула головой и вовсе выпустила из своих рук Лоховского.

Заступник глядя на остолбеневшего Филимона тихим шепотом проговорил:

– Вали отсюда, мужик, пока менты не набежали. Чего застыл?

Для большей убедительности своих слов он слегка пихнул Лоховского. Филимон пришел в себя и что есть мочи рванул по направлению к выходу, сметая на своем пути пассажиров с баулами. Остановился от только на улице, смешавшись с толпой. Отдышался и прислушался – вроде бы ничего.

Филимон бесцельно бродил между такси и автобусов. Через два часа гуляния он закончил и решил вернуться назад, на вокзал. Через главный ход идти не решился, выбрал один из боковых, ведущих к переходам. В переходах было довольно темновато, зато сухо и тепло. То там, то здесь на картонках, а то и просто на земле сидели нищие, просившие милостыню, опустившиеся бомжи, представительницы древнейшей профессии.

«Теперь мы одной крови, теперь мы – собраты по несчастью» – с грустью подумал Филимон Аркадьевич. Он нашел свободное местечко у стены, прислонился и попытался заснуть.

Сон все не шел и не шел, невольно Лоховский прислушался к разговору рядом. Два живописных субъекта с сизыми носами, от вечного пьянства, всклокоченными волосами и давно немытыми грязными лицами торговались со здоровым детиной. Дитина был очень похож на настоящего бандита из тех, карикатурных, что показывают во всевозможных фильмах. Филимону всегда казалось, что эти типы режиссерская выдумка. Огромная толстая шея, переходящая в бицепсы или трицепсы (Филимон Аркадьевич как далекий от спорта человек точно не знал), бритый череп, оттопыренные уши, перебитый нос. Мужик показывал мужикам какую-то бумагу и что-то предлагал.

– Не..., начальник, не... две, две бутылки «Трои» и на закуску бутылку «Анапы». А на а... аванс, чирик. Трубы горят, душа требует.

Один из представителей «дна» пытался объяснить, чего и сколько нужно, размахивая грязными пальцами перед носом у качка. Бандитского вида мужик вытащил из кармана бумажник достал помятую десятку и кинул бомжам.

Затем он повернулся к Филимону и приказал:

– Мужик, вали сюда.

Филимон Аркадьевич сразу оценив неравенство весовых категорий, покорно встал и молча подошел к качку.

– Ты вот этого лоха не видел? – спросил он показывая Филимону бумажку, которая оказалась фотографией.

Лоховского прошиб пот, с фотографии на него глядел парень, который буквально два часа назад спас его от неприятностей. Филимон долго рассматривал изображение улыбчивого симпатичного парня в спортивном костюме, с медалью на шее. Затем собрал остатки своей воли в кулак и отрицательно мотнул головой.

– Заработать хочешь? – спросил качек.

Филимон опять мотнул головой.

– Дуй в задние вокзала, внимательно приглядишься к пассажирам, в туалете посмотри, короче – везде. Найдешь, полтинник получишь. Я подожду в машине, красный мерс, на пяточке у вокзала стоит. Понял?

– П-понял. – торопливо ответил Филимон.

Качек двинулся дальше, останавливаясь то там, то здесь, показывая фотографию.

Что делать?!. Что делать?!. Рациональная часть Лоховского сознания требовала: «Беги, беги как можно дальше отсюда. Спасай свою шкуру». Другая часть, эмоциональная, убеждала: «Ты должен предупредить парня, что за ним охотятся. Он к тебе отнесся по человечески. Ты обязан помочь ему».

Филимон Аркадьевич разрывался. Он сделал пару шагов к выходу и столько же назад к входу. Наконец, благородство одержало верх над инстинктом самосохранения. Филя бочком, бочком, чтобы не заметил качек, стал продвигаться в сторону ведущую в Зал ожидания.

Теперь надо найти парня. Господи, помоги! Лоховский прошелся по первому этажу, внимательно вглядываясь в лица молодых мужчин. Нет, парня здесь не было. Затем он поднялся на второй этаж, заполненный людьми. Опять неудача. Филимон приблизился к двери, где коротали время до прибытия поезда, обладатели билетов или имущие граждане. Филимон сразу же заметил того, кого искал. Парень сидел у дальней стены, держа в руках какую-то газету. Глаза его были закрыты, очевидно он дремал.

Лоховский хотел проскользнуть в зал, но его остановил грозный окрик дежурной:

– Куда! Предъявите ваш билет.

Лоховский, вспомнив как подействовал улыбка незнакомца на продавщицу в кафе, выдавил из себя улыбку:

– Да мне на минуту, к товарищу, п-пусти, красавица.

Однако чего-то Лоховский не учел, а может тетка попалась неподдающаяся.

– Я тебе, покажу товарища. Мозги бабе своей пудрить будешь. Есть билет показывай, нет – плати.

Отступать было некуда, Лоховский должен был как-то привлечь внимание парня в зале.

– Ну, вон, вон мой кореш, – махнул он рукой в сторону парня. – Пустите, я попрощаться с ним пришел. Эй, земляк!

Парень привлеченный шумом открыл глаза, глянул на Лоховского и широко улыбнулся.

– Ну, вот, видите – торжествуя проговорил Филимон, – а вы не верили. Стыдно. Верить нужно людям, верить.

Дежурная взглянула на парня и разрешила Филимону войти.

– Ну мужик, сегодня явно не твой день, – сказал усмехнувшись парень, усаживающемуся рядом Лоховскому.

– Это уж точно, – вздохнув, сказал Филимон. – Только сейчас речь не обо мне. Тут вас какой-то бандит разыскивает. Я решил предупредить.

Парень нахмурился, внимательно выслушав рассказ Филимона.

– Давай, сделаем так, – сказал он, – ты сейчас пойдешь к машину и скажешь, что нашел меня. Приведешь этого козла в сортир, а сам будешь ждать снаружи. Постарайся сделать так, чтоб нам не мешали. Сможешь?

– П-постараюсь.

Лоховский быстро нашел машину. В салоне сидело еще трое, с лицами из серии «их разыскивает милиция». На их фоне лысый качек выглядел просто Белоснежкой из диснеевского мультлика.

Филимон передал свое сообщение, лысый отдал какой-то приказ сидевшим рядом, и вышел из машины, пряча что-то в задний карман брюк. Карман как-то подозрительно оттопырился.

«Пистолет, – подумалось Филимону. – Mamочка, во что ж это я вляпался?!»

– Пошли, – приказал бандит.

Теперь Лоховский не сомневался, что это бандит. Филе ничего не оставалось как последовать за ним. Возле туалета он притормозил и жалобно-просительно сказал:

– Ну, вы... уж... там сами, без меня... А-аа... я тут, это... покараулю.

– Лады, никого не впускай пока. Будут переть, бей в торец. Понял? – сказал лысый.

Что значит этот самый торец, в который нужно бить, Филя не знал. Но на всякий случай согласно кивнул.

Лысый скрылся за дверью туалета, а Филимон остался снаружи. Как назло, подошел солидный господинчик в очках. Филимон выпятив грудь, преградил ему дорогу.

– Сюда нельзя.

– Как это нельзя, мне надо! – заявил господинчик в добротном костюмчике, пытаясь отпихнуть Филимона от дверей.

– Это, там, это... – Филимон раздумывал, как бы соврать правдоподобней. – Там технологический перерыв. Вот. Через десять минут подойдите.

Господинчик ушел, возмущаясь безответственностью администрации.

Через пару секунд перед Лоховским возник дедок с обвислыми седыми усами с огромным мешком.

– Куды прешь, – входя в роль окликнул его Филимон, – нельзя туда.

– Дык, мне туды, – ответил дедок показывая рукой на дверь туалета – по нужде.

– У них там пятиминутка технического персонал, через десять минут придешь. – На этот раз выдумка далась гораздо легче.

На горизонте появился следующий клиент. Молодой длинноволосый парень в потертых джинсах.

Лоховский прикидывал, что ему сказать, как дверь туалета открылась и незнакомец с фотографии кивнул ему головой, зайди. Филимон обернулся и сказал подошедшему длинноволосику:

– Подождите пару минут, молодой человек, мы крыс протравливаем... Вредно для потенции... надо чтоб проветрилось. Мы в респираторах работаем.

Сообщение о потенции показалось парню важным, он решил не рисковать будущим и остался за дверью.

Изнутри на дверях защелок не было. Понятное дело, зачем они тут нужны. Филимон наблюдал, как незнакомец прилаживает швабру.

– Ну что, мужик, – сказал незнакомец, глядя на Лоховского, – давай знакомиться. Меня Максимом зовут, для близких – просто – Макс.

– Очень приятно, а меня – просто Филя.

Максим улыбнулся.

– Нет, меня на самом деле Зовут Филимон. Филимон Аркадьевич Лоховский, – церемонно представился Филя.

– Ну, Филимон, так Филимон. Раз уж ты в это дело ввязался, придется помогать мне. Давай затащим этого голубя в кладовку, пока его не хватились.

Макс указал на лежащего в углу лысого.

– Ой, вы что его убили? – испуганно спросил Филя.

– Да, нет. Так, приглубил немного. Мне из него еще информацию вытрясти нужно, так что...

Лоховский вздохнул с облегчением. К роли бомжа он уже вроде привык, а вот убийцей пока становится было страшновато.

Макс и Филя вдвоем взяли находящегося в отключке лысого и потащили к кладовке. Максим открыл кран и набрав воды блеснул в лицо бандита. Лысый открыл глаза бессмысленно уставившись на Максима.

– Очнулся, голубь, – сказал Макс, – Так, считаю до трех, не скажешь кто тебя послал – пристрелю. Пристрелю из твоего же собственного ствола. Понял?

Лысый мотнул головой.

– «Три!» – произнес Макс.

Лысый молчал.

Максим передернул затвор и направил пистолет на лоб бандита.

– Ой, может не надо? Он сейчас все скажет, все-все. – сказал Филимон, просительно глядя на Макса...

– Нет, ничего он нам не скажет. Жаль, жаль. – поигрывая оружием, ответил Максим.

«Господи, – подумал Лоховский, – и этот тоже бандит. Надо было сразу же убегать, как только лысый ко мне подошел в переходе.»

– Не надо, Максим, выстрел услышат, милиция набежит – попытался выдвинуть новый довод Филимон.

– Не-а, – ухмыльнулся Максим, – пистолетик-то с глушителем.

Максим выстрелил, пуля чиркнула рядом с ботинком лысого. Тот не ожидал такого поворота:

– Ты че, ты че в натуре?! – заорал он. – Ты мене чуть ногу не прострелил.

– Чуть не считается, – совершенно спокойно сказал Макс, – и учти, я мастер спорта по стрельбе. С 200 метров в глаз белке попадаю. А ты не белка, ты скунс вонючий. В тебя промахнуться трудно.

Лысый испуганно завертелся.

– Ну, что, – устало спросил Макс, – говорить будешь или ухо отстрелим? Сначала ухо. Без уха девок любить можно, а вот...

Эта угроза подействовала. Лысый решил расколоться.

– Не надо, мужик, ты че? Ты же тоже мужик. Как же я... это... без этого... Я все скажу. Нам тебя заказали самарские пацаны, ты их на 200 штук гринов обул. Они тебя вычислили и...

– Понятно, что ты должен сделать?

– В смысле, – спросил успокоившийся бандит, когда понял, что убивать его не будут.

– Заказ, заказ. – терпеливо пояснил Максим.

– А..., это. Мы должны у тебя бабки забрать, а тебя порешить. Чтоб другим неповадно было.

– Как самарские узнали, что я здесь?

– Н-не знаю, им кто-то стукнул, что ты в Карасове и собираешься в Питер.

Максим подумал немного и сказал вслух:

– Это наверное, Людка. Только она знала, что я собираюсь в Питер. Ладно, с ней потом разберемся. А во что с этим делать, ведь сдаст... точно сдаст.

Филимон с ужасом ожидал решения Максима, лысый конечно был бандит, но убивать никого не хотелось.

Лысый поскуливал на грязном кафельном полу, понимая, что сейчас решается его дальнейшая судьба.

– Филимон, у тебя платок носовой есть?

Лоховский начал шарить по карманам и вытащил замусоленный огрызок, бывший когда-то платком.

– Маловато будет, – сказал усмехнувшись Максим. – У него пасть как у бегемота, туда даже полотенце затолкать можно.

Макс огляделся в поисках чего-нибудь подходящего, на гвоздике висел синий сатиновый халат уборщицы.

– Вот, как раз то что нужно, – сказал он и снял халат со стены.

«Неужели весь халат в рот лысому засунет?» – подумал Лоховский.

Максим оторвал один рукав, потом второй и скатав два тугих рулончика наклонился над лысым.

– Жить хочешь? – спросил он глядя на лежавшего бандита.

– Хочу, – не раздумывая ответил тот.

– Тогда пасть открой пошире. – сказал Максим, заталкивая в рот импровизированный кляп.

Затем он оторвал от халата длинную ленту, приказал лысому завести руки за спину и крепко связал.

– Поднимайся и без глупостей в кладовку, посидишь там часок. – сказал Максим указывая на дверь кладовки.

Лысый покорно проследовал к месту своего заточения. Максим включил ему свет и запер дверь на засов.

– Лысый, ты меня слышишь? Не вздумай долбить дверь ногами, я с этой стороны гранату положил. Чуть дверью дернешь – будешь на том свете сам с собой в пазлы играть. Через час уборщица придет, она тебя и вызволит из темницы.

– А у вас, что в вправду граната есть? – тихим шепотом спросил Лоховский у Макса.

– Нет конечно, но лысому это знать не обязательно.

В этот момент в дверь туалет кто-то настойчиво забарабанил. Макс открыл дверь, впуская разъяренных пассажиров.

– Совсем обнаглели, – вопил тот самый господинчик в очках. – Нашли время совещаться, лучше бы сортиры чистили, делом занимались...

Максим и Филя выскользнули из туалет.

– Да, – сказал Максим, разглядывая Филимона, как будто он увидел его в первый раз. – А ведь ты попал, браток. На вокзале оставаться тебе нельзя, засветился. Дружки лысого тебя искать будут. Идти есть куда?

Филимон посмотрел на Макса глазами преданной собаки.

– Понятно, – со вздохом сказал Макс. – Ты что, бомж?

– Ну, не совсем, ... вернее не бомж, – ответил Филимон, пытаясь прибавить своему голосу убедительности. – Только вот идти мне некуда, меня сегодня теща из дома выгнала. Насовсем.

Максим взглянул на Филимона с интересом:

– Ну, пойдем перекусим где-нибудь в спокойном месте, там и переговорим.

Они вышли из здания вокзала и поймали такси.

– В Лышанку, – сказал Макс водителю. – Плачу два счетчика, – добавил он глядя как недовольно скривилась физиономия водилы.

Эта Лышанка была самым отдаленным районом славного города а, общественный транспорт ходил туда редко и нерегулярно. Частный транспорт туда не ходил вовсе, так как дороги там были такие ужасные, что господину Гоголю и не снилось. Но «два счетчика» оказали волшебное действие. Через полтора часа Максим и Филимон оказались в уютной двухкомнатной квартирке.

Пока Филька рассказывал свою историю, Макс накрывал на стол, жарил яичницу, нарезал колбасу и мыл помидоры. Вся короткая и далеко не героическая биография Лоховского уместилась бы на одной странице. С последними словами рассказа Филимона Максим закончил приготовления к ужину.

– Да, – сказал Максим, выслушав исповедь Лоховского. – Что с тобой делать и выбросить жалко и взять – не нужен. Тебе повезло, мне как раз напарник нужен. Давно я себе верного, преданного человека подыскиваю. А ты вроде бы мужик честный, не подставишь.

От таких слов по телу Филимона побежали мурашки, а вдруг Максим банки грабит? Филя как всякий законопослушный человек в таком безобразии участвовать не может. Да и какая от него польза в таком деле? Вот сейчас Макс скажет: «Поел, передохнул, а теперь – „адье“, прости-прощай.

Максим заметил внутреннюю борьбу, происходящую в душе Лоховского.

– Да, не бойсь, я ж тебя не в подельники зову, а в помощники. Но грабить все же придется. Только вот граблю я бандитов всяких, хапуг и прочую шушеру.

– Н-но ведь это противозаконно, – снова заикаясь сказал Филимон.

– Может и противозаконно, а они законно действуют? Потом, я же не для себя, я для детишек.

– К-каких детишек? – удивлено переспросил Филимон.

– Детдомовских. Во ты, небось, у папы с мамой жил, как у Христа за пазухой. Собачка или хомячок, велосипед, пирожки... Мандарины на Новый год, опять же. А вот мне не довелось... Я сам детдомовский, мамка меня подкинула в приют. Натерпелся я... Знаешь, как хотелось чтоб мамка подзатыльник за двойку дала, или папаня ремешком за драку выпорол? А уж про сласти и игрушки – не говорю. Вот. Спасибо, учитель физкультуры у нас был – крутой мужик. Суровый, но справедливый. Он меня к спорту пристроил, в люди вывел... Я ведь мастер спорта, в комнате целый „иконостас“ из медалей висит.

Потом я на Людке женился, я тогда чемпионом был. Перспективы... ну, сам понимаешь, чего особо рассказывать. Она тоже спортом занималась, правда, так себе спортсменка. Гимнастка, – Максим невесело усмехнулся и покачал головой. – Стерва... Но я тогда не знал, хотя меня предупреждали все и Батя. У Бати, у нас его в детдоме так все пацаны звали, глаз – алмаз, рентген. Он Людкину сущность сразу просек. А я дурак! Любовь, любовь... – Максим закурил и продолжил свой рассказ. – Пока я по сборам, да на соревнованиях – она в чужих постелях кульбиты делала...

Потом с козлом богатым связалась... Развелись мы... А она меня подставить решила. С кем-то своего козла на бабки развела, а на меня свалила. Еле отмылся. Пить начал, спорт бросил, в криминал ввязался.

Максим замолчал, вспоминая и снова переживая прошедшее. Все это время, пока он расхаживал по кухне, куря одну сигарету за другой, Лоховский внимательно слушал его исповедь.

– А что п-потом было? – осторожно спросил Филимон, решившись прервать затянувшееся молчание.

Максим как будто очнулся, тряхнул головой, отгоняя прошлое:

– Потом, потом. Потом опять Батя появился в моей жизни, из дерьма вытащил. В детдом привел, я там полгода подсобником работал, в свободное время пацанов тренировал. Батя там

директором теперь стал. Крыша течет – денег нет, одежда детская – без слез не взглянешь – денег нет. Игрушек, спортивного инвентаря – ничего нет. Запросы в министерство посылаем – деньги выделены. А на месте их нет. Толи мэрин наш их крутит, то ли начальство помельче. Батя придет, кулаком постучит, по закону требует. А по закону – фиг с маслом. Тогда я и начал честную экспроприацию. Из детдома пришлось уйти. Зато теперь я им могу настоящую пользу оказать. Всяких братков, гнусь всякую, на бабки развожу, а детям посылаю.

Лоховский смотрел на Макса как на героя. Вот это да! Вот это жизнь. Человек делает настоящее благородное дело. А что он, Лоховский, в этой жизни сделал полезного, доброго? Он попытался припомнить, но ничего кроме кормушки для птиц вспомнить не смог. Ему стало ужасно стыдно за бесцельно прожитые годы.

– М-максим, я хочу тебе помогать. Это так благородно.

Максим взглянул на него с улыбкой:

– Помощник-то мне конечно нужен, только тебе придется имидж поменять. Согласен?

Лоховский не колеблясь дал утвердительный ответ:

– Имидж – не пол, поменять можно. Тем более, что мне мой прежний не нравился.

– Раз так, давай для начала имя тебе меняем. Филя – это как то не серьезно. Будешь ты у нас Фил, это куда как солиднее.

С этими словами Максим ушел в комнату и вернулся через пару минут с чистой одеждой:

– На вот. Иди мойся, переодевайся, а то еще вшей поймал. Вещи чистые, разве что размерчик не твой, но велико – не мало, носить можно. Утром что-нибудь подберем для тебя.

Макс показал где ванная и пошел стелить постель.

Филимон открыл воду и стал разглядывать в зеркале свое отражение, привыкая к новому имени.

– Фил! Фи-и-и-л. Фил!

Имя было твердое, слегка шершавое, решительное и мужественное. Лоховскому показалось, что у него изменилось не только имя, но и внешность: курносый от рождения нос слегка заострился, приблизившись формой к вождьленному римскому профилю. Уши уже не так оттопыриваются. Подбородок становится более решительным.

Филимон, простите, Фил, почувствовал себя уверенным охотником, воином. Он ловко подставил ногу под струю воды и... громко взвизгнул. Вода оказалась ледяной. Это подействовало на него отрезвляющее, он снова взглянул в зеркало и никаких изменений в своей физиономии не заметил. Филя вздохнул, открутил кран с горячей водой, ополоснулся, вытерся и вышел из ванной.

Макс как хозяин уложил Филимона на диван, а сам растянулся на полу, соорудив ложе из подушек и одеял. Через пару минут они оба погрузились в крепкий сон без сновидений.

* * *

Филимон Аркадьевич проснулся, лежа с закрытыми глазами он услышал как на кухне стучат посудой соседи. Филимон поежился, натягивая одеяло на нос. Еще пару секунд и проснется теща, она почему-то всегда просыпается с ним одновременно. Вот сейчас раздаться ее грозное...

– Доброе утро, Фил. Пробуждайся, новая жизнь полная приключений и опасностей ждет тебя, – проговорил над ухом Лоховского приятный мужской голос.

От неожиданности Филимон подскочил в кровати и уставился на молодого брюнета в спортивном костюме, оглянувшись по сторонам. Только потом дошло, что он не дома. Филимон вспомнил вчерашние события и вздохнул с облегчением. Новая жизнь действительно началась.

Максим протянул Филимону одноразовые бритвенные принадлежности:

– Приведи себя в порядок, а то девушки любить не будут. Только в темпе, на кухне завтрак стынет.

Филимон тщательно выбрился, сполоснул лицо холодной водой и улыбнулся своему отражению в зеркале. Увиденное понравилось. Насвистывая Филя вышел из ванной.

– Максим, вы просто волшебник, – сказал он, вдыхая аппетитные ароматы, доносящиеся из кухни.

– Во-первых, я не волшебник. Во-вторых, не вы, а ты. Это твое „выканье“ действует мне на нервы. Лады?

– Согласен. Буду говорить ва... тебе „ты“.

Максим отвернулся что-то помешивая на плите и сказал:

– Я пока и сам не знаю, чем мы будем заниматься. В Кукуевскске я уже давно не был, нужно обстановку разведать. Внедриться и все такое прочее.

Филимон перестал жевать, его уши порозовели, а на щеках появился румянец. Он нерешительно мял в руках хлебный мякиш, скатывая из него колбаску.

– М-максим, я конечно дико из-звиняюсь, но у меня есть п-предложение, – заговорил Филимон снова начав заикаться от волнения. – Я в-вчера, рассказывал вам о марке. М-может мы ее найдем?

Максим резко повернулся и с удивлением взглянул на Лоховского. Филимон понял, что перебивать его или смеяться над ним Максим не собирается. Уяснив это, Филимон успокоился и уже без всякого заикания продолжил:

– Теща считала, что за эту марку можно выручить 500 тысяч долларов. Она конечно не специалист, но...

– Проверить стоит. – закончил за Филимона Максим. „Пурку а па“ – почему бы и нет, как говорят французы. Давай ка еще раз и поподробнее о теще и ее марке.

Максим сел за стол, закурил и приготовился внимательно слушать. Филимон стараясь не упустить деталей рассказал об отравлении тещи, ее „смертном наказе“, своем проколе.

– Да, теща у тебя, еще тот кадр. Настоящая бандерша – усмехнувшись сказал Макс. – Ей бы братками командовать, а не с зятем воевать.

Если бы тогда, в тот момент, Максим знал, как он близок к истине, вероятно эта история развивалась бы совсем по другому сценарию. И конечно же в тот момент ни Филимон, ни Макс не ожидали, что круг охотников за маркой значительно расширился...

* * *

Мадам теща, так и не приведшая в норму свою сильно расшатанную нервную систему, все еще проклинала злосчастного зятя. С каждой минутой, с каждым часом ненависть становилась все сильнее и сильнее. Конечно же Нина Михайловна не поверила Лоховскому, что магазин закрыт на два дня. Вернее она не придавала значения этой информации. Едва одевшись и слегка приведя себя в порядок дородная дамочка как школьница помчалась к магазину.

До „Букиниста“ было всего минут десять легкой трусцой или минут двадцать спокойным шагом. Нина Михайловна галопом преодолела это расстояние за пять минут. Однако у дверей магазина ее настигло полнейшее разочарование. Замок на двери, табличка с вежливой надписью: „Извините, по техническим причинам магазин не работает“ подействовали на женщину как валерьянка на кота. В бешенстве она начала дергать огромную дубовую дверь на себя, бесвязно выкрикивая проклятия и угрозы. Прохожие издали наблюдали как огромная тетка в пальто и домашних тапочках на босу ногу совершает дикий танец у закрытой двери.

Силы оставили Нину Михайловну и она медленно осела в лужу, растекшуюся у дверей магазина. Возвышаясь посередине лужи, как айсберг среди океана, мадам теща колотила руками по грязной жиже, рыдала и смеялась одновременно. Понятно, что в таком „припод-

нятом“ настроении она не обратила внимание на прогуливающегося Сивухина. Сивухин усиленно делал вид, что он здесь по делу, никакого отношения к Нине Михайловне не имеющему.

Конечно же обладатель великолепного слуха, а также массы других достоинств оказался в данном месте, в данный момент не случайно. Пораскинув мозгами, теми которые еще не успели высохнуть от пьянства, Костик решил, что он непременно должен начать поиски редкой марки. В его воспаленном мозгу уже бродили видения богатой сытной жизни. В ночь того знаменательного дня Сивухин почти не спал. Стоило ему закрыть глаза, как сразу же являлся чудный сон. Огромная светлая комната, в центре которой стоит огромный стол. На столе – огромная гора сосисек всех размеров и фасонов, Рядом сидит он, Сивухин, только не совсем Сивухин. Чистый, выбритый, подушенный одеколоном „Шипр“, а на шее у него – гирлянда из молочных сосисок. Сивухин надкусывает одну за другой десятки, сотни сосисок... Это был прекрасный, чудный сон, который в скором времени должен был превратиться в в такую же прекрасную, чудную действительность.

Проснувшись рано по утру и наскоро перекусив завалявшейся горбушкой черного хлеба, стаканом теплого чая, Сивухин притаился возле приоткрытой двери своей комнаты. Долго сидеть в засаде не пришлось, Нина Михайловна выскользнула из своей комнаты (вернее бывшей комнаты Лоховского) как ошпаренная и выскочила во двор. Остальное было делом техники, Костик незаметно крался за тещей Лоховского до самого „Букиниста“. Сивухину даже не пришлось особо стараться, так как Нина Михайловна была немного не в себе. Она мчалась по улице огромными скачками, что-то бормоча себе под нос, перескакивая через лужи, сшибая на ходу прохожих, размахивая руками. Вряд ли она могла в таком состоянии заметить щуплого Сивухина, телепавшегося на приличном расстоянии сзади.

Разочарование Нины Михайловны срикошетило по Сивухину. Правда в отличие от дамы, Сивухин в обморок не грохнулся и в луже не оказался. Потоптавшись минут пять в отдалении он решительной походкой направился к Нине Михайловне:

– Батюшки, – картинно раскинув ручками и шаркнув ножкой, воскликнул Костик. – Нина Михайловна, голубушка, что вы тут делаете?

Нина Михайловна подняла на Сивухина опухшее от слез лицо. Обращение Сивухина привело мадам Мерзееву в чувство, она огляделась по сторонам с недоумением. С чувствами к Нине Михайловне вернулся и разум и отвратительный характер:

– Не т-т-твое д-д-дело, Сивухин. Я может моржуюсь здесь, – стуча зубами ответила Мерзеева.

– Чего? – такого поворота Костик не ожидал. – Моржуюсь, в смысле моржеванием занимаетесь? Ну ладно, дело ваше.

Нина Михайловна с подозрением смотрела на соседа, пытаясь понять случайно ли он оказался поблизости.

– А я тут это... к приятелю заходил, – выпалил первое что пришло в голову Костик, – смотрю – вы... Надо же, думаю, какая удача. Вот, решил узнать как ваше здоровье после больницы?

„Интересно, – подумала Нина Михайловна, – правда случайно или следил?“

„Интересно, – подумал Сивухин, – правда поверила или сделала вид?“

Сивухин подал соседке руку, помогая вылезти из лужи.

– Ну-с, не буду вас отрывать от дел, мне пора, – сказал Костик, махнув ручкой, и быстро засеменил в сторону автобусной остановки. Мерзеева двинулась в ту же сторону ленивой поступью бегемота, на ходу пытаясь привести себя в порядок. По дороге домой она обдумывала план действий на завтра. План был достаточно прост, но эффективен.

У Сивухина так же были свои планы на завтрашний день: купить всю подшивку журнала и забрать марку. Костик надеялся, что на „Будни механизатора“ никто из собирателей не польстится. Кому нужен журнал, описывающий допотопную технику, графики полевых работ

и прочая ерунда? Необходимо было раздобыть денег. Рублей сто или двести. Вот только где или у кого. Этот пункт в плане Сивухина был самым трудным. У его приятелей-собутыльников такой суммы отродясь быть не могло. У соседей занять –дохлый номер, кто займет без отдачи. Сивухин решил попросить денег у своего хозяина. Костик подрабатывал в качестве грузчика-сторожа-подсобника в маленьком частном кафе. Поди-подай, принеси-отнеси. Работа не трудная, хоть и малоденежная, но сытная. Там стащил, тут припрятал. Да еще девченки-поварихи жалели неухоженного алкаша, подкармливали.

Хозяин кафе, Михееич, из бывших эков, а ныне человек весьма уважаемый, частный (но далеко не честный) предприниматель, кафе держал так, для прикрытия. На хот-дог и рюмку „Смирновской“ зарабатывал он совсем другими делишками. Но не посвященным про это было неведомо, и только Костик Сивухин все слышал и все примечал.

„Знание – сила“ – это точно, – думал Костик, – раз я владею информацией, Михееич должен, просто обязан, мне заплатить». Нет, Сивухин вовсе не собирался шантажировать хозяина, напротив. Он хотел его только предостеречь. Ведь на месте Костики, узнавшего тайну, мог оказаться какой-нибудь неосознательный дятел, который давно бы уже побегал в милицию. Операцию нужно было провести как можно быстрее, к завтрашнему открытию магазина Сивухин должен прийти с деньгами. Следовало тщательно продумать все детали, чем и занялся Костик, придя домой.

* * *

Раздумья ни к чему не привели. Вернее, не привели ни к чему путному.

Как ни ломал Сивухин голову, в нее, в эту самую голову, ничего путного не приходило. А почему? Да потому-что, любое важное дело нельзя обдумывать на сухую. Срочно требовалось чего-нибудь принять! Только где это «что-нибудь» раздобыть? Сивухин пошарил глазами по убогому убранству своей комнатенки. Старый, продавленный диван, кухонный, колчаногий стол, накрытый потрескавшейся, облезлой скатертью, допотопный буфет набитый всякой ерундой. Тумбочка у окна, прикрытая газетой и чахлый кактус на подоконнике, вот, собственно, и все. Искать, в надежде, что «что-нибудь» завалилось с более сытых времен, было смешно. Костик, на всякий случай, заглянул под кровать: бутылок много, но увы – все пустые и нестандартные. Такие нигде не принимают. Наудачу открыл дверцу буфета – ничего путного. Старые просроченные консервы, зачерствевшие куски хлеба, банка с бычками-окурками про черный день.

Сивухин вышел в коридор и постучал к Козябкину, сосед высунул в дверь всклокоченную голову и дыхнул вчерашним перегаром:

– Чего надо? – угрюмо спросил он, – Чего спать рабочему человеку мешаешь?

Рабочий человек пару дней назад получил зарплату и вот уже два дня старательно пропивал ее.

Сивухин потирая руки и угодливо улыбаясь, чего не сделаешь за стакан водки (или чего дадут, тут уж выбирать не приходится), сказал:

– Да вот, интересуюсь, как у тебя со здоровьем. Может, поправить нужно, так я это... мигом. Одна нога здесь, вторая тут же. Вчера-то, небось, ничего не оставил, на лечение?

Козябкин поднял на Костику мутные от вчерашнего глаза, икнул и ответил:

– Я не алкаш, по утрам не опохмеляюсь. А выпить... Заходи, завтракать будем.

Костик не дожидаясь второго приглашения шмыгнул в соседскую комнату. Неважно, что время было обеденное. Пусть у Козябкина будет завтрак, только бы налил. На столе стояла непочатая бутылка водки «Гиксар». Сивухин с благоговением взял в руки бутылку, и, шевеля губами, прочитал название завода-изготовителя. Ничего, когда он раздобудет ту самую марку, он будет завтракать, обедать и ужинать этим самым «Гиксаром».

Через час Сивухин с трудом помнил, зачем ему нужно было выпить. В голове смутно билась какая-то мысль. Но вот какая? Этого Костик определить уже не мог. Плотно позавтракавший Козябкин храпел на кровати, а Сивухин все пытался и пытался вспомнить, зачем ему нужно идти к Михеичу. Он встал и, пошатываясь, двинулся к себе в комнату. На столе лежала записка: «Не забыть, взять у Михеича, сто (сумма была зачеркнута, а рядом написана новая), двести рублей. Купить марки».

Костиков тупо уставился на записку. Интересно, кто ее оставил? Внизу стояла неразборчивая подпись, Сивухин поднес листок к окну и прочитал: «Константин». Как этот Константин попал в комнату Сивухина? Зачем оставил на его столе записку? Костик, устав бороться с загадками, рухнул на диван и забылся крепким сном до самого утра.

* * *

Нина Михайловна бродила по квартире, как сошедшая с гор лавина, смахивая все на своем пути: мебель, дочь, соседей. Она кипела как вулкан Везувий, готовый к извержению. Пару раз обозвала «любимую» дочку курицей, не способной выбрать себе в мужа настоящего мужчину. Соседей – кретинами, их детей – у... Мягко выражаясь внебрачными отпрысками. Она готова была рычать и кусаться, рвать и метать. Сейчас она сильно жалела, что выгнала Лоховского вон. Поглотив без аппетита ужин, заботливо приготовленный дочерью, Нина Михайловна «отбилась» ко сну. Но и там, во сне, она не нашла покоя. Стая маленьких противных Филимонов Лоховских кружились вокруг нее в нескончаемом хороводе. Эти мелкие твари корчили рожи, вытаскивали языки и съедали на глазах у Мерзеевой десятки, нет сотни, ценных марок. Каждый раз, когда Нина Михайловна хватал заветную марку, в руках у нее оказывалась пустота.

Погоня за стаями мерзавцев-зятьев закончилась падением дородной дамы с кровати. Перепуганные соседи выскочили с криками в коридор, подумав, что началось землетрясение. Выскочили, разумеется, только те кто мог ходить. Сивухин и Козябкин продолжали дрыхнуть, как ни в чем не бывало. Нина Михайловна с величественным видом выплыла в коридор и рывкнула на галдящих соседей, мешающих ей спать. Женщина снова забылась тяжелым, беспокойным сном до рассвета.

Нина Михайловна прикинула, сколько могут стоять журналы «Механизатора» и полезла за сервант, где в банке из-под имбирного печенья у нее хранились «похоронные» деньги. Правда, на чьи похороны они были предназначены, оставалось загадкой. Самка Мерзеева намеревалась жить еще долго, а зятя собиралась похоронить за счет государства. Однако, всякий раз, когда дочь или соседи пытались занять у нее денег, Нина Михайловна закатив глаза к потолку и заламывая руки (ни дать ни взять Вера Холодная времен немого кино) отказывала, ссылаясь на то, что это деньги на трагическую минуту.

Но сейчас, была та самая трагическая минута, Нина Михайловна пересчитала крупные купюры, разделила деньги на две кучки, одну спрятала в недрах своего необъятного бюста, а вторую снова засунула за сервант. Бедная Маша с ужасом наблюдала за манипуляциями матери.

– Мама, вы плохо себя чувствуете, – испуганно спросила она.

Надо отметить, что в семье Мерзеевых, дети обращались к родителям исключительно на «вы». Так было и в семье родителей Нины Михайловны, так завела она и в своей собственной семье. Этим самым «вы» дети, как самонадеянно считали родители, выражают свое почтение и уважение к старшим. На самом деле, это «вы» произносилась по самой банальной причине: страху перед грозными взрослыми.

Машенька Мерзеева-Лоховская, не смотря на свой возраст, все еще боялась собственной матери. Ее критических замечаний, неодобрения и недовольствия. Один только раз в жизни

бедная Маша осмелилась послушаться собственной матери – вышла замуж за Филию Лоховского – за что расплачивалась до сих пор...

Не получив ответ на вой вопрос, Маша снова обратилась к Мерзеевой:

– Мама, что с вами? Может быть, врача вызвать?

Мадам Мерзеева, оторвавшись на несколько секунд от подсчетов, взглянула на дочь и ехидно проговорила:

– Не дождетесь! Я вас всех еще переживу, особенного твоего мужа-придурка.

Нина Михайловна поднялась с колен, привела себя порядок и вышла из комнаты. В коридоре она столкнулась с Сивухиным. Тот на удивление был трезв и выбрит. Нина Михайловна удивленно подняла брови и спросила:

– Сивухин, уж не жениться ли ты собрался?

И тут же сама ответила на поставленный вопрос:

– Конечно же нет, не нашлась еще вторая дура, которая на это убожество польститься.

Довольная произнесенной «шуткой» Нина Михайловна скрылась в ванной, где проторчала целых полчаса, не обращая внимания на нетерпеливые постукивая и возмущенные голоса соседей. Ванная в квартире была одна, а собирающихся утром на работу людей – много.

Сивухин тихо, чтоб не услышала Мерзеева прошепел: «Корова старая, погоди. Отольются тебе Филькины слезки». В это рабочее утро на кухне толкались все соседи, кто готовил завтрак, кто завтракал, кто-то ждал, пока соседи разогреют завтрак. Все конфорки были заняты, за исключением двух, закрепленных за семьей Лоховских – Мерзеевых.

Когда-то каждый готовил на той конфорке, которая ему нравится. С появлением на коммунальной кухне Нины Михайловны, после женитьбы Фили, все изменилось. Мерзеева разделила количество конфорок на число проживающих в комнатах людей и закрепила за каждым свою. На стене она повесила список кому и на чем следует готовить. Народ пробовал возмущаться, но спорить с Ниной Михайловной, что плевать против ветра. К тебе же и вернется. Все смирились. И хотя коммунальные жильцы часто менялись конфорками, готовила на свободных, две конфорки всегда оставались пустыми. Сивухин достал свой помятый чайник и демонстративно поставил на свободную конфорку. Приятно показать сильному противнику кукиш, даже если этот кукиш скрыт в твоём кармане.

Костик попил чайку и пока Нина Михайловна плескалась в ванной думал над тем, где раздобыть денег. Идти к Михеичу было поздно. Денег не было. Необходимо было либо украсть журнал, либо сменить на что-нибудь. Первый вариант казался Сивухину более приемлимым, так как ничего ценного для обмена у него не наблюдалось. Загвоздка была только в одном: Сивухин не знал ни как выглядит журнал ни как выглядит сама марка. Значит нужно подождать, пока в «Бук» не отправится бывшая владелица журналов и марки.

Что будет «там» Костик додумать не успел, дверь в ванную хлопнула на порге кухни появилась отмытая Нина Михайловна. Ее щеки стали розовыми как у молочного поросенка, глаза хищно блестели. Она стояла на пороге кухни как командор перед Дон Жуаном:

– Какая, погонь, поставила свой чайник на мою конфорку? – заорала Мерзеева, так, что Сивухин чуть не облился чаем. Соседи на кухне притихли, ожидая неотвратимого наказания за святотатство. Карающая рука женщины-командора схватила помятый чайник с плиты и кинула в мусорное ведро, стоящее под раковиной.

Нина Михайловна так же величественно удалилась, как и появилась на кухне. Соседи, тихонько, чтобы Мерзеева не услышала возмутились такому отвратительному поступку, своим красноречивым молчанием выказывая поддержку Сивухину. Костика не очень-то любили, но как только появлялся общий враг – Нина Михайловна – жильцы объединялись в своей неприязни. Сейчас он был возведен в ранг «коммунального» героя.

Сивухину некогда было купаться в лучах славы, он быстренько ушел в кухню и затаился в ожидании выхода Нины Михайловны. Мадам Мерзеева не заставила себя долго ждать. Она

быстрым, решительным, почти военным шагом проследовала по коридору. Костик дождался, пока хлопнет дверь и проследовал за женщиной.

* * *

Филя ни как не мог дождаться следующего дня. Мысленно про себя он называл его днем «М». В каком-то боевике, виденном очень давно, до появления в его жизни Нины Михайловны Мерзеевой, главные герои давали название дню или времени (точно он уже не помнил) проведения акции. Там было время «Ч», а Лоховский придумал время «М». Он уже представлял как они с Максом войдут в магазин, достанут «пушки» и все узнают. А оптом, а потом... Что будет потом Филимон Аркадьевич представить себе не мог, просто не хватало фантазии.

Филимон волновался. Он то и дело ронял куски на пол, разливал чай, давился. Наспех проглатывая завтрак Филя поинтересовался у Макса:

– А что мы будем делать, если журналы уже купили?

Максим не проявляя никаких признаков волнения, тщательно намазывая паштет на кусок батона проговорил:

– Не суетись, Фил. На месте разберемся. Меньше дергаешься, дольше проживешь.

Филимон невольно позавидовал спокойствию приятеля. Но, как говорить: «Богу – богово, а Кесарю – кесарево» Ждать до открытия магазина было выше сил Лоховского, он кинулся мыть посуду, подметать пол. Зачем-то еще раз начистил ботинки, прогладил и без того идеально отглаженные брюки. Однако время тянулось как бесконечный товарный поезд на переезде.

Все время, что Филимон пытался чем-нибудь заполнить, Максим проделывал всевозможные упражнения. Лоховский пару раз заглядывал в комнату и тут же из деликатности уходил на кухню. Но даже то, что он видел краем глаза, внушало восхищение и трепет. Максим отрабатывал приемы каких-то единоборств, отжимался от пола одной рукой, делал стойку на голове.

Филя, который, с самого раннего детства, был освобожден от всех видов физкультуры, в душе мечтал о славе Брюс Ли, Ванн Дамма, Сталоне и Шварценегера, преклонялся перед физически тренированными людьми. Еще тогда, будучи отличником-школьником, он жаждал променять свои пятерки по физике и математике и други точным наукам, на слабенькую троечку по физкультуре.

В пору своей студенческой юности он пытался заняться каким-нибудь видом спорта, но ни к чему хорошему это не привело. Лоховский был страстно влюблен в дородную однокурсницу, мастер спорта по академической гребле, Дарью. Спортсменку, комсомолку, отличницу, активистку. Филя записался в секцию академической гребли.

В первый же (и последний) день, желая произвести впечатление на любимую девушку, он обманув тренера, вышел на воду. Бедный тренер, вернее тренерша, огромная симпатичная тетка, похожая на скульптуру «Молотобойца» неизвестного скульптора, даже не подозревала, что Филимон не только в первый раз садиться в лодку, но и вообще не умеет плавать. Лодка была трехместная, плюс рулевой. Филя на первой минуте плавания спихнул в воду своим веслом рулевого, на третьей – уронил это весло, на четвертой проломил ногой тоненькое дно лодки, на пятой перевернул лодку со всем экипажем. До берега, по счастью было не так уж далеко, выплыли все, кроме Лоховского. Застрявшая в лодке нога не давала ему пойти на дно. Он болтался как поплавок на поверхности.

Крупная девушка Дарья, первой сообразила в чем дело, она бросилась в воду и вытащила бездыханное тело несчастного Филимона, сделала ему искусственное дыхание методом рот в рот. Это был первый и последний поцелуй, полученный от любимой. Из секции Лоховского отчислили как неумеющего плавать. Филя, правда, пытался ухаживать за девушкой: подносил

ее весло, помогал готовиться к экзаменам, писал за нее курсовые. Однако, роман не сложился, так как Дарья через несколько месяцев вышла замуж за студента факультета физвоспитания, такого же спортивного, дородного молодого человека, борца-тяжеловеса. А через девять месяцев ушла в декрет, бросив учебу. Стимул заняться спортом исчез, Филя приналег на учебу и вскоре стал надеждой курса, стипендиатом, краснодипломчиком. Однако, он все еще считал спортсменов – людьми достойными восхищения и в тайне завидовал им.

В очередной раз проходя мимо комнаты Филимон услышал странные звуки и заглянул в комнату. Макс ловко махал в воздухе двумя короткими гладкими палочками с цепью по середине, перекидывал их из одной руки в другую. Иногда палочки ударялись и издавался тот самый странный звук.

Максим, на минуту отвлекшийся от своих занятий, увидел Филимона и сказал:

– Сейчас, еще пару упражнений с нунчаками и будем собираться.

Через пару минут Максим открыл балкон для проветривания и пошел в душ. Чтобы скоротать время Филя включил телевизор, нашел на одном из каналов новости. На диване лежали эти самые нунчаки. Филя взял в руки палочки, еще хранившие тепло Макса, и попытался повторить его движения. Он размахнулся и завел одну руку за спину, нунчаки одним концом так долбанули Лоховского по Лопатке, что он грохнулся от боли на пол. На звук падения из ванной, в капельках воды выскочил Максим. Вокруг его загорело мускулистого торса, было накручено полотенце.

– Что случилось? – спросил он поднимая Лоховского с пола. – Нападение?

Филя боялся, что сломал себе ключицу. На первый взгляд безобидные палочки, оказались довольно грозным оружием в неумелых руках Филимона. Боясь пошевелиться Филимон задерживал дыхание, боль поемного отпустила и он смог ответить:

– Да я это, так, хотел попробовать как ты... И...

Максим едва сдержав улыбку, сказал:

– В следующий раз попытайся повторить что-нибудь другое, например, бег трусцой, отжимание или шахматы. Задери рубашку, я посмотрю, что там.

Филимон повернулся к нему спиной и послушно задрал рубашку.

– Тут болит? – спросил Макс, нажимая на лопатку.

– Филимон болезненно скривился, но сдержал стон.

– Я спрашиваю болит или нет? – еще раз спросил Максим надавливая на покрасневшее место.

– Не очень, – стараясь терпеть, ответил Филя.

– Ладно, жить будешь. Сейчас мазью от ушибов смажем, как на собаке заживет!

Максим достал из холодильника коробочку с иностранной надписью и протянул Филимону:

– На, помажь...

Филимону было несколько неловко за происшедшее, но ключица действительно болела. Лоховский безропотно взял из рук Макса коробочку.

Когда компаньоны вышли из дома, рабочее утро было в разгаре.

– Для начала, оденем тебя поприличнее, – сказал Макс, останавливая такси. – А потом и по делам можно будет отправиться.

Максим привез его какой-то фирменный магазин в центре города. Цены там были такие, что Лоховскому сделалось дурно. Из чего же должны быть пошиты джинсы, которые стоят 2–3 тысячи? Про обувь говорит и вовсе не стоило, по ценам каждая пара вытягивала на три-четыре зарплаты Лоховского, вместе с премиями и подработками. Чего греха таить, в семье, бюджетом которой ведала Нина Михайловна, Филимона Аркадьевича хорошими вещами не баловали. Брюки – фабрики «Волжанка», обувь – фабрики «Скороход», рубашки – фабрики «Прощай, молодость». Посещение таких магазинов было для него в диковинку, он ощущал

себя на экскурсии в музей «Современного делового человека». Лоховский все время оглядывался, как будто ждал, что сейчас его выставят за дверь.

Как только они с Максимом переступили порог магазина, к ним подошел симпатичный молодой человек и провел в огромный торговый зал, уставленный вешалками и примерочными кабинками. У стен этого зала стояли удобные диванчики с крошечными столиками. Лоховского усадила на один из этих диванчиков, подали чашку кофе и вазочку с печеньем. Филимон Аркадьевич ждал, когда же этот сон закончится.

Максим не доверил ему выбор одежды. Лоховский с ужасом следил за тем, как Макс отбирает для него вещи. Цифры были такими большими, что он уже не мог сложить их в уме. Две молоденькие продавщицы с внешностью голливудских кинодив, помогали Максиму в этом расточительстве. Лоховский, парализованный дороговизной, автоматически кивал головой, когда Максим спрашивал его мнение по поводу брюк, носков или рубашки. Девушки, естественно, в два голоса расхваливали вкус Макса, его чутье в подборе одежды. Конечно, как тут не расхваливать, ведь комиссионные барышень росли прямопропорционально вещам, купленным клиентами.

– Ну все, иди примеряй, – сказал Макс, вываливая на колени Филимона, груды одежды. – Иди, иди не робей, – подтолкнул Лоховского к кабинке Макс.

Филя нерешительным шагом двинулся к кабинке, открыл дверцу, автоматически выложил всю одежду на банкетку и закрыл за собой дверь. Лоховский огляделся. В просторной даже для двоих примерочной, было светло и уютно. На всех стенах висели зеркала, отражающие худую, несуразную фигуру Филимона. Он осторожно разделся, аккуратно свернул свою одежду и принялся мерить то, что отобрал Максим. Сначала Филимон померил джинсовый костюм. Тот оказалось впору, джинсы сидели на фигуре как влитые, рубашка придавала Филимону довольно молодцеватый вид. Джинсовый жилет, накинутый сверху и вовсе преобразил Филимона. Из глубины зазеркалья на него смотрел не Филя Лоховский, а самый настоящий Фил. Фил оглянулся себя со всех сторон и увиденное понравилось. В кабинку кто-то постучался, Фил открыл и вышел.

– Вау, вот это гораздо лучше! – воскликнул Макс и одобрительно покачал головой. – Главное одеть человека поприличнее, и дело в шляпе.

Стоявшие тут же девушки восторженно что-то пропищали, вторя Максиму.

Филимон еще несколько раз нырял в недра примерочный, каждый раз возникая в новом образе. Вначале он померил костюм, который превратил его из Фила в Филимона Аркадьевича, настоящего делового человека. Солидного бизнесмена. Потом он померил брюки с пушистым свитером, которые придали его не очень атлетической фигуре довольно спортивный вид. Все вариации на тему Филимона Лоховского были одобрены Максимом.

Когда они вышли из магазина, Филимон, одетый в новенькую джинсу, нес подмышкой пакет со своей старой одеждой. Новая одежда была аккуратно упакована и сложена в фирменную сумку магазина. Пакет со старьем был довольно громоздкий и все время норовил выскользнуть из его рук. Когда это произошло в третий или четвертый раз, Максим молча взял пакет из рук и выбросил в урну.

Филимон чуть не заорал на всю улицу от возмущения, он кинулся к урне вытаскивать пакет:

– Ты что?! Там брюки и рубашка почти новые, я их только два года ношу! В них же можно на дачу ездить, на рыбалку или квартиру, например, ремонтировать.

Филимон осторожно счистил с бумажной обертки налипшие окурки, бумажки от мороженого и фантики от конфет. Максим молча выслушал объяснения и стал тянуть пакет из рук Лоховского.

– Не отдам! – решительно заявил Филимон, выдергивая свои вещи из рук Максима.

Терпение Максима иссякло, он отпустил пакет, и от неожиданности Филимон покачнулся, чуть не грохнувшись в лужу.

– Так, давай договоримся сразу, – строго проговорил Макс. – Из нас двоих кто-то должен быть главным. Этим «кто-то» буду я. Возражения есть?! Нету? Ну и прекрасно.

Лоховский стоял понуро опустив голову, молча выслушивая Максима. Он тяжело вздохнул и нехотя, собственными руками, бросил в урну пакет со старой одеждой. Максим похлопал его по плечу и утешительно произнес:

– С прошлым нужно расставаться легко. А сейчас вперед, к новым делам.

Максим бодрым шагом зашел к остановке, а Филимон, как шарик на ниточке, болтался где-то сзади него. С каждым шагом он все больше и больше заражался энергией Максима. К остановке подъехал полупустой троллейбус. Филимон сразу приметил симпатичную, стройную блондинку. Девушка с отсутствующим видом рассматривала рекламные объявления, расклеенные на стенах в салоне. Потом она подняла глаза и улыбнулась, поймав устремленный на нее взгляд. Филя приосанился, расправил плечи и улыбнулся девушке. Та слегка покраснела, причем выяснилось, что румянец очень идет к ее белой коже и блестящим глазам. Она поправила выбившуюся прядку из прически и улыбнулась еще шире.

У Филимона сладко заняло сердце. Девушки давно, вернее никогда, не улыбались ему в троллейбусах (равно как и в автобусах, трамваях и лифтах). Неужели он за эти дни так переменялся? Филя повернулся к стоящему сзади Максиму, чтобы поделиться своими наблюдениями и... Максим, расплывшийся в голливудской улыбке, делал какие-то знаки блондинке, а та, польщенная вниманием этого кареглазого красавца, мило улыбалась, уже готовая и дать свой телефончик, и последовать за ним на край света, и погулять с любимой собакой... Филя тяжело вздохнул, ссутулился и отвернулся к окну. Хорошо, что до нужного магазина оставалось две или три остановки.

Что делать в магазине, Лоховский не представлял. Оставалось полностью положиться на Макса (и довериться ему). Конечно, в голову Филимона Аркадьевича заползали черные мысли. А ну как Максим кинет его? С другой стороны – если бы Макс задумал добыть марку в одиночку, он, бы уже давно сделал это.

В душе у Филимона Аркадьевича оставалась неистребимая вера в то, что хороших людей в мире больше, чем плохих. И даже отдавая свой бумажник грабителю в темной подворотне, он оправдывал этого несчастного. Может, ему нужны деньги для больной старушки-мамы или на «Kitekat» для бездомного котенка?

Пока Филимон пробирался к выходу на нужной остановке, Макс успел обменяться телефонами с симпатичной блондинкой и даже назначил ей свидание. Лоховский в очередной раз, по-хорошему, позавидовал ловкости Максима.

В этот час в магазине было почти пусто. Всего парочка посетителей, которые разглядывали витрины в поисках чего-нибудь интересного. Филимон кинулся к витрине, где были выставлены журналы, он пробежал глазами витрину раз, другой, третий и... ничего знакомого не увидел. Журналов не было. Филимон Аркадьевич чуть не зарыдал в голос, мечта о новой жизни рассыпалась, как песочный домик. Он дрожащим голосом обратился к продавцу, стоящему за прилавком.

– П-простите, я вам недавно сдавал на продажу журналы «Будни-механизатора», можно узнать, где они?

Продавец, типичный представитель племени антикварщиков, старый седой еврей, ответил вопросом на вопрос:

– А вам они зачем?

Конечно же, он помнил и Лоховского и его журналы. Мужик не представлял ценности сдаваемых вещей и особенно не торговался. Он с благодарностью принял из рук торговца предложенную сумму. Если честно, сумма была раза в четыре ниже реальной стоимости вещей.

Но как говорится, на базаре два мошенника – один продает, другой покупает. Кто кого! Покупка была оформлена на законном основании, так что придраться было не к чему. Но старый еврей, на то и был старым евреем, чтобы не давать прямых ответов.

– Они у вас? – с надеждой в голосе спросил Филимон. – Я бы хотел получить их обратно. Вот!

Филимон протянул продавцу деньги и квитанцию, на которой была проставлена сумма. Старый антиквар взглянул на эту до смешного маленькую сумму и ответил:

– Двести пятьдесят и журналы ваши.

– Р-рублей? – спросил Лоховский.

Старый продавец покачал головой:

– Долларов! И на што мне сдались ваши рубли?

– Чего?!

Филимон перевел взгляд на квитанцию, про себя, шевеля губами, прочитал проставленную сумму. И сунул квитанцию под нос продавцу:

– Вот! Смотрите сюда! Вы... мне... дали... за... них... пять... десят рублей.

Филимон Аркадьевич специально четко проговаривал каждое слово, делая паузы, чтобы его слова получше дошли до ушей продавца. Тот, совершенно спокойно отведя руки Филимона Аркадьевича от своего лица, ответил:

– И на што мне сдалась ваша квитанция? У меня у самого таких столько... Могу вам уступить, по дешевке.

Макс все это время с небрежным видом слушал перепалку Филимона с продавцом. В конце концов, его терпению пришел конец. Макс ленивой походкой двинулся к прилавку, придав своему лицу свирепое выражение (лицо теперь походило скорее на рожу, чем на лицо) и рывкнул на продавца. Филимон Аркадьевич на секунду испугался, так как в первый момент ДАЖЕ он не узнал Макса.

– А послушайте-ка, любезный! Если вы сейчас не вернете журнал, я вам травмы нанесу! Честное слово, – заверил Макс.

Слова были вроде бы нормальные, принятые между интеллигентными людьми. Но сказаны они были так, что желтовато-смуглая физиономия продавца моментально побелела, а затем посерела. Старый букинист засуетился:

– Божеж мой! Божеж мой! И што вы так взъелись? Разве мне нужны эти ваши журналы? Нет у меня вашей мукулатуры. Их еще в тот день, когда господин, – продавец указал рукой на Филимона и слегка наклонил голову, – принес, все раскупили. Разве у меня нет занятия поинтереснее, как ваши журналы сторожить? Я старый, больной человек, мне вредно волноваться.

Макс насмешливо взглянул на этого «старого, больного», который еще пять минут назад пытался раскрутить Филимона на бабки:

– Ладно, успокойтесь. Лучше быть больным, чем мертвым.

Продавец согласно закивал головой, изображая пристальное внимание. Он все время наклонял голову набок, как огромная птица, всем своим видом показывая, что слушает он очень и очень внимательно.

– Так, вот, – продолжил Макс, – Дайте-ка нам списочек тех, кто купил журналы.

На лице продавца появилось задумчивое выражение. Казалось, он делает в уме сложные арифметические подсчеты. При этом его пальцы шевелились, будто он подсчитывает денежные купюры. Затем он улыбнулся и сказал:

– Такой информацией наш магазин не располагает. Как лицо официальное я такими вещами не занимаюсь. Не уполномочен. Для нас главное – через кассу провести, чек выдать.

Филимон Аркадьевич трагическим шепотом прошептал:

– Все пропало! Прощай мечта, прощай Маша.

Однако, Макс был почти уверен, что этот старый пройдоха имел нужный список. На всякий случай, мало ли? В жизни все может пригодиться.

– А как лицо неофициальное, вы такой список можете представить? За дополнительную плату разумеется? – поинтересовался он. – И достал из кармана пару бумажек.

Продавец оживился, плотоядно заулыбался и протянул слегка дрожащие руки к заветным бумажкам.

– Мне что-то плохо видно, покажите картиночки поближе, – попросил он.

Максим помахал у него перед носом зеленоватыми бумажками с портретами американских президентов.

– Ну?! – настойчиво произнес Макс. – Будем искать список или разойдемся, как в море корабли?

– Сейчас, сейчас, – проговорил букинист и нырнул в подсобку. Оттуда его голос разнесся по всему залу. – Сонька, стерва, куда коробочку с картотекой задевала?! Живо сюда!

Пока господин продавец, как лицо частное, разыскивал нужную информацию, Максим внимательно оглядел магазинчик. Букинистическим его можно было назвать с большой натяжкой. Это была, скорее, лавка древностей. Здесь было собрано все. От старых газет, журналов, книг, до бюстов бывших вождей, кирасиновых ламп и, даже, пары лаптей. На полках можно было найти и граммофоны, и пластинки к ним, и Пасхальные яички из серии «псевдофаберже». Максону понравилась небольшая картина, висевшая на одной из стен магазинчика – обнаженная пышная девица, едва прикрытая виноградной лозой, лукаво улыбалась волосатому мужику с рогами на голове. На теле рогатого, помимо своих собственных, было подобие накидки из меха какого-то животного. Буйная растительность, яркие краски, симпатичная девушка – такая штука, хорошо поднимает настроение.

– Нравится? – услышал Макс голос букиниста за своей спиной. – Рекомендую, подлинник. Рубенс. Тот, который про Данаю. Вам, как симпатичному молодому человеку, уступлю недорого. Штука баксов. За подлинного Рубенса – это почти копейки, вернее, центы. Подумайте, рекомендую, – с этими словами старый продавец снова исчез в недрах подсобки.

А Макс снова уставился на виноградную красотку.

– Это нимфа, а это сатир, – раздался вдруг за спиной Максима приятный голосок.

Он обернулся и увидел невысокую, стройную брюнетку. С зелеными глазами. Ее волосы были подстрижены очень коротко, как у мальчишки. Но эта прическа совершенно не портила девушку, а придавала ей немного озорной вид. Девушка совершенно спокойно выдержала его взгляд и сказала:

– Врет он все. Никакой это не подлинник, тем более не Рубенс. Этой мазне в базарный день цена полущка, да и то...

– Сонька, опять покупателей баламутишь?! Марш в подсобку, черепа мыть! – завопил появившийся продавец. И, уже совершенно другим тоном, обращаясь к Максону сказал. – Племянница моя, София. Позор семьи, на перевоспитании у меня находится. Одни убытки от нее. Но что не сделаешь ради любимой сестры, даже ее балбеску на работу примешь. Нигде дольше месяца не работает. Везде свой нос сует. Ее в хороший ресторан устроили, по знакомству. Так она через неделю в Санэпидемстанцию позвонила, на директора нажала. Ну позвонила, так позвонила. Так нет же, она же свою фамилию назвала. Выгнали с позором...

Старый продавец рассказал бы всю трудовую биографию племянницы, если бы Максим не прервал его:

– Ближе к делу, милейший. Список?!

– Деньги?! – ответил продавец, протягивая какие-то карточки Максону. – Все, как вы просили. Фамилии, адреса. Где нет адреса, там контактный телефон или место работы. Сами понимаете, не все клиенты разговорчивые.

Пока букинист пересчитывал купюры, Филимон и Максим читали, кому достались журналы Нины Михайловны.

– Надеюсь, вы довольны? – поинтересовался продавец.

– Надеюсь, вы нас за лохов не держите? – в тон ему проговорил Максим. – Если все это лажа...

– Что вы что вы, – замахал руками продавец, – я же вижу, вы люди серьезные, солидные. С такими дело иметь одно удовольствие. Не извольте беспокоиться, все чистая правда.

Обрадованный Филимон хотел было расцеловать продавца троекратно, по-русски. Потом подумал, что такой поцелуй, пожалуй, может и оскорбить товарища не славянской наружности.

Максим аккуратно свернул список и положил его во внутренний карман куртки. Он искал глазами симпатичную девушку Соню. Девушка вынырнула из подсобки, мило улыбнулась и, воспользовавшись тем, что дядя отвернулся, сунула в руку Максиму какую-то записку. На улице он развернул этот маленький клочочек. На нем аккуратным почерком были нацарапаны цифры – номер телефона.

* * *

Нина Михайловна толкнула дверь букинистического магазина. Если бы она только знала, кто покинул его приделы пять минут назад, с ней бы случилась нервная истерика. Но, слава Богу, она не обладала даром предвидения и мысли окружающих читать не умела. А зря.

Если бы она обладала этими важными в повседневной жизни качествами, то бегом бы направилась к остановке, где ждали своего автобуса Филимон Аркадьевич Лоховский и его новый приятель. Не знал этого и Костик Сивухин, тенью проскользнувший вслед за соседкой. Сивухин, притаившись за стеллажом с творениями токседермистов, проще сказать – с чучелами – наострил уши.

Мадам Мерзеева двинула свой пышный бюст в сторону плюгавенького горбоносенького мужичка, стоявшего за прилавком магазина. Она попыталась состряпать на своем лице подобие обольстительно-очаровательной улыбки. У нее это получилось. Почти. Старый продавец, угадав в даме серьезную клиентку, склонную к истерии и скандалам, внутренне подобрался. «Наверное, жена какого-нибудь охламона. Будет требовать заложенное своим законным полудурком обратно», – с тоской подумал продавец.

Этих самых охламонов-полудурков среди клиентов магазина было навалом. Чего только не предлагали алчущие залить горящие трубы. Это по их милости букинистический магазин превратился в подобие ломбарда или лавки Гобсека. Нужно честно признаться, такое положение вещей устраивало старого букиниста. Благодаря полученным за бесценок сокровищам, старый пройдоха сумел отстроить для себя и любимой супруги скромненький двухэтажный особнячок. Мог оплачивать обучение за границей своей единственной дочери – прыщавой, очкастой дылде. Мудрый отец давно пришел к выводу: если любимая дочка не вышла лицом (не в родителей), то пусть хотя бы получит хорошее образование. В наше время женщину может прокормить не только муж, отец или брат, но и карьера. Так вот, эту самую карьеру дочери помогали творить клиенты магазина, продающие все, что можно утащить из дома. Все эти сокровища пристраивались чадолюбивым папашей в надежные руки богатеньких коллекционеров или считающим себя таковыми.

За время своей торгово-посреднической деятельности продавец наловчился точно определять людей. Вернее то, к какой категории они относятся. Все люди делились на полудурков-охламонов, пострадавших жен, коллекционеров и случайных покупателей. Так вот, вошедшая в магазин дамочка была ошибочно принята за пострадавшую жену. Интуиция почти не подвела букиниста. Правда, дама оказалась не женой, а тещей.

– Милейший, – сладким голосом произнесла Нина Михайловна, обращаясь к продавцу (Сама же она подумала: «Сучья морда, мошенник!»), – мой зять, по ошибке, чисто случайно, продал вам комплект журналов.

Продавец уставился на нее, будто она сказала какую-то непристойность. Нина Михайловна сделал вид, что она не заметила кислого выражения на лице продавца и продолжила:

– Журналы особой ценности не представляют, но они мне дороги как память. Я хочу получить их обратно. Вот квитанция, – сказала «пострадавшая теща», протягивая продавцу бумагу.

– Извините, – ответил, разведя руками, старый букинист. – Ничем помочь не могу. Сделка совершена по закону, проведена через кассу.

– Как это по закону?! – взвизгнула женщина, которая уже не могла сдерживать себя. – Как по закону?! Он у меня эти журналы украл и вам отнес. Да вы у меня под статью пойдете, за скупку краденого. Да я!.. Да вы! Ах ты, морда... – глаза женщины налились кровью, лицо приобрело свирепое выражение.

Нина Михайловна неловко перевалилась за прилавок и вцепилась двумя руками в остатки шевелюры букиниста. Продавец не ожидал такого яростного нападения и, хотя он был мужчиной, представителем сильной половины человечества, с Ниной Михайловной они находились в разных весовых категориях. Еще минута и несчастный мог бы навсегда попрощаться с остатками своей, некогда буйной, шевелюры. Никакой бы «REAL TRANS HAIR» не помог. На его счастье из подсобки в очередной раз показалась Сонечка. Не из любви, а просто по привычке заступаться за слабого, она кинулась спасать дядю.

Сивухин, наблюдавший эту батальную сцену из своего укрытия, видел как на помощь девушке подоспели посетители магазина, которые с интересом наблюдали за битвой века. Дерущихся растащили по разным углам магазина. Прядь из пышного начеса мадам Мерзеевой выбилась и прилипла к потному лбу, придавая ее лицу некий налет озорства и фривольности... Разгоряченная борьбой, с ярким румянцем на щеках, Нина Михайловна выглядела довольно соблазнительно. Для любителей монументальных форм, конечно.

– Мадам, разве можно кидаться так на людей? – Поинтересовался коренастый крепыш лет пятидесяти, с золотой фиксой спереди, придерживающий Нину Михайловну за мощный «локоток».

В этом мужике Сивухин узнал своего директора, Михеича. «Интересно, – подумал он, – чего он тут делает? Неужели про марку пронюхал?» Сивухин решил выскользнуть из магазина, пока его не застучали. Объясняться с Михеичем, чего он тут делает в рабочее время, не хотелось. Работы лишаться – тем более. Поэтому Костик решил дослушать, чем закончится выяснение отношений за дверью. Ясно было одно, самих журналов с ценным содержанием в магазине не было. Иначе, чего бы этот старый придурок-продавец ваньку ломал? Продал бы журналы обратно, и дело с концом. С этими мыслями Сивухин тихонько вышел, продолжая прислушиваться к происходящему в магазине...

– Да... – почти всхлипывая, обиженно проговорила Мерзеева, – А обижать слабую женщину можно?

Коренастый крепыш, очевидно, был как раз любителем монументальных форм. Он пристальным взглядом окинул мощный бюст Нины Михайловны и, обратившись к продавцу, спросил:

– Короче, братан, я не понял, чего даму обижаешь?

– Кто обижает? Я обижаю? – засуетился продавец, почувствовав скрытую угрозу в словах добровольного защитника. – Извините, но мадам сама на меня набросилась. Я тут ни при чем.

– Нет, ты не понял, в натуре. Ты че попутал? Давай по понятиям разберемся... – снова обратился к нему крепыш с фиксой.

Тут внимание Сивухина отвлекла проезжающая мимо машина, через громкоговоритель, установленный на крыше автомобиля, жителей Кукуевска приглашали посетить концерты известного певца Цецела. Так что конец объяснений Нины Михайловны и букиниста он не услышал.

А в магазине происходило следующее:

– Мадам! – взмолил продавец, – Да нет у меня ваших журналов. Никаких журналов нет. Тем более, что сегодня ваш зятек за ними приходил, искал. Я ему адреса покупателей отдал.

Нина Михайловна побледнела, покачнулась и упала бы, если бы не крепкие объятия незнакомца.

– Мне дурно, воздуха... – прохрипела она.

Крепыш потащил ее тело к выходу из магазина на свежий воздух. Нина Михайловна не сопротивлялась, она почти отключилась и ничего не видела. Мерзеева не заметила как в магазин прошмыгнул Сивухин.

Сивухин, который был оставлен в неведении, о дальнейшей судьбе журналов, из-за громкоголосой рекламы молодого популярного певца, обратился к продавцу с твердым намерением узнать кому и куда проданы журналы.

Сивухин, помятуя о скандале, только-что произошедшем в магазине, решил идти другим путем. Никаких угроз. Только ласка, лесть и уговоры.

Старый букинист взглянул на ничуть не примечательного посетителя, явно не принадлежащего к категории покупателей, проговорил:

– Что имеете продать?

Сивухин смутился, покраснел и ответил:

– Да нет, я не по этой части, я чисто узнать.

«Еще один сумасшедший, – с тоской подумал старый продавец, – Пора выходить на пенсию, я пожалуй с ними сам с ума сойду». Подумал, а в слух произнес другое:

– Узнать это в справочной, а у нас тут магазин. Мы справок не выдаем.

Продавец помолчал и добавил:

– Справочная за углом, психиатрическая клиника в двух остановках отсюда.

С этими словами букинист повернулся, собираясь уйти в подсобку и поднять жизненный тонус, с помощью рюмашечки доброго коньячку. Но его намерению было не суждено сбыться.

– Мне бы у вас про журнальчики «Рабочий день тракториста» только узнать. Я узнаю и уйду, честное слово. – раздался взволнованный шепот посетителя.

Продавец резко обернулся, посмотрел на этого ханурика и заорал, потому что, сдерживать накопившиеся за это утро эмоции уже не было никаких сил:

– «Будни механизатора», а не «Рабочие дни...» Тракторист, сами вы тракторист. Вы что сговорились все?! Я сейчас милицию вызову. Тут вам не здесь, там вас быстро отучат над приличными людьми издеваться.

Сивухин немного струхнул, он как-то не ожидал такой бурной реакции, на свой, в общем, невинный вопрос. Костик, словно в молитве, сложил руки лодочкой и самым жалостливым голосом (такой он всегда приберегал в крайних случаях, когда нужно было срочно похмелиться, а не на что. На дам-с действовал безотказно, на мужчинах не пробовал.) заголосил:

– Ой, ради Бога., проявите милосердие и сострадание, помогите. Дайте список покупателей журнала, речь идет о жизни и смерти...

Слова Сивухина привели к обратному действию, старый продавец разозлился еще пуще, он бросил яростный взгляд на просителя. В его голове возник план мести. «Будет тебе список, будет, – подумал старый продавец. Я тебе сейчас такой списочек дам, что не обрадуешься.»

– Сейчас, сейчас, поищу. Где-то он у меня тут был – с фальшивой лаской в голосе проговорил старый букинист. Он скрылся в недрах все той же подсобной комнаты.

Сивухину были слышны какие-то бормотания, жутковатый смех, звук отодвигаемых ящиков и что-еще. Через пять минут продавец вернулся с каким-то списком.

– Вот, – произнес он, протягивая Костику нужную бумагу. – Тут адрес и телефон, советую сразу ехать на место, без звонка. Там гостей любят, встречают радушно, – добавил старый букинист и как-то нехорошо посмотрел на Константина.

Правда, Сивухин, этот взгляд на свой счет не принял. Мало ли кто как смотрит, может у него от рождения взгляд такой.

– Я вам непременно заплачу, как только..., так сразу – восторженно заявил Сивухин, – Большое спасибо, я вас век не забуду.

Эти слова Сивухин проговорил на ходу, почти у самых дверей. По-этому он и не услышал, что под нос себе произнес старый еврей:

– Не сомневаюсь голубчик. Ты меня на всю жизнь запомнишь.

* * *

Нина Михайловна пришла в себя, огляделась по сторонам и, вперив свои очи в крепенького коренастого мужичка лет пятидесяти, в добротной кожанной куртке, слабым голосом спросила:

– Где я? Что со мной? Кто вы?

Михеич, а это был Михеич (Костик не ошибся), проговорил:

– Мадам, с вами все в порядке. Немножко дурно стало в магазине, я вам помог на свежий воздух выйти.

Мерзеева, слегка зардевшись, поблагодарила:

– Спасибо, я думала, что настоящих мужчин в наше время не осталось. Вы – настоящий джентельмен.

«Настоящий джентельмен», имевший пару ходок в места не столь отдаленные и богатое криминальное прошлое, впрочем, как и настоящее, громко хмыкнул. Кем только в жизни его не называли – и братком, и паханом, и бандогой с большой дороги, а вот джентельменом ни разу. Михеич с удовольствием взглянул на пышногрудую, розовощекую женщину.

Маленького Михеича всегда тянуло к крупным женщинам, только в его жизни, к сожалению, таких не встречалось. Попадались все больше длинноногие, тощие как селедки, с маленькими пупырышками вместо грудей. Таких худышек всегда в изобилии крутилось вокруг людей склада Михеича. Именно такие составляли большинство девиц из армии почетного эскорта и девочек по вызову. Именно таких выбирали в официальные «марухи». По молодости Михеич старался соответствовать созданному образу, потом просто привык к девицам такого типа, но где-то в глубине души еще оставалась тайная мечта – обладать женщиной пышных форм. Сейчас-то уже Михеич, известный авторитет, человек богатый и «уважаемый» мог себе позволить любые чудачества, даже такого масштаба как Нина Михайловна.

Нина Михайловна же с первой секунды разглядела волевой огонек в глазах крепыша, скупое мужское обаяние и огромную силу. Этот мужчина был совершенно не похож на ее безвольного зятя или слабохарактерного покойного мужа. Конечно, таким не поведешь, не повертишь, но находиться рядом с ним – одно удовольствие. Иногда и сильным дамам хочется на мгновение почувствовать себя слабой пушинкой, эдаким мотыльком.

Пока эти двое разглядывают друг друга, прислушиваясь к потаенным желаниям своей души, обратимся к Костику Сивухину, который как знамя полка несет перед собой список покупателей, полученный от продавца букинистического магазина.

Костик на ватных ногах, еще не веря своему счастью, присел на скамеечке возле одного из домов. Он пробежал глазами список покупателей один раз, затем другой, затем третий.

Так, с чего начать? Конечно, с тех, кто живет поблизости. На счастье Сивухина, все покупатели были жителями города Кукуевска. Костик прошелся до аллейки и снова присел на лавочку. Он постарался выучить все адреса наизусть. Мало ли что? А вдруг порыв ветра, пожар или наводнение? Раз... и заветного листка не станет. Настоящий исследователь, охотник за сокровищами должен быть готовым ко всему. С памятью у Костики, к сожалению, было не все в порядке. Оно и понятно, злоупотребление всякими горячительными дешевого разлива, а так же их заменителями и суррогатами типа «Бальзам Троя» или «Настойка женшеченевая для наружного применения», это вам не «винпоцетин» для памяти, а как раз наоборот. Ну ничего, у Сивухина еще, есть шанс стать Человеком, пьющим «Пшеничную» или «Гжелку», и он Костик Сивухин этим шансом воспользуется. И вызубрит для этого хоть двенадцать, хоть двести двенадцать адресов.

Со стороны Сивухин представлял довольно любопытную и странную картину. Посреди голой осенней аллеи, под мелкоморосящим дождем, на скамейке сидит всклокоченный мужичонка, неопрятного вида с красными глазами и синеватым носом, держит в руках какой-то клочек бумаги и, шевеля губами, что-то декламирует. Сивухину повезло, что в этот момент не было в парке ни гуляющих старушек со своими злобными собачонками, ни вечно затурканных делами мамаш с малышами, ни блюстителей закона и порядка.

Проверив несколько раз правильно ли он заучил адреса, Костик приступил к выполнению второй части своего поискового плана, а именно, к экипировке. Костик прекрасно понимал, что человека «играет» одежда. Явиться в незнакомый дом с просьбой в своих повседневных лохмотьях было как-то не очень удобно. Значит, нужно приодеться. Всю дорогу домой Костик размышлял: кто бы из его приятелей мог ссудить на время что-нибудь из одежды? Никто! Понятно дело, что все собутельники Сивухина голыми по улицам не разгуливали, у нас, к сожалению, не Папуа-Новая Гвинея – холодно. Но то, что на них было надето, одеждой можно было назвать только после длительного и тщательного исследования. Некоторые не мылись, а, значит, и не стирались неделями, а то и месяцами. Многие добывали свои лохмотья на всевозможных дешевых распродажах или получали одежду в качестве платы за выполнение мелких хозяйственных работ, редким счастливицам доставались «наряды» из Армии Спасения, присланные в Кукуевск по линии гуманитарной помощи от далеких заокеанских братьев-бомжей в качестве рождественского подарка.

И тут Костики посетила гениальная и простая идея: попросить помощи у соседей. Ну, например, у Козябкина! Главню придумать что-нибудь этакое, чтоб не могли отказать. Когда Костик стучал в дверь своей коммунальной квартиры, легенда приобрела четкие очертания. Сивухин заглянул на кухню, в ванную в надежде поймать одну из соседок, никого. Ну, ладно. «Значит начнем с Козябкина», – подумал Костик, придавая своему лицу торжественно-печальное выражение. Он, как актер, перед выходом в полный зрительный зал, сконцентрировался и, постучав в дверь соседа, открыл, не дожидаясь приглашения.

Козябкин был занят. Высунув от усердия кончик языка, он расклеивал по стенам своей комнаты этикетки от пива. Одна стена была полностью заклеена разноцветными бумажками.

Костик замер на пороге, не находя слов от удивления.

– Ну, чего застыл? – поинтересовался Козябкин. – Заходи. Давненько хотел ремонт в комнате сделать, обои новые поклеить, внести эту, как ее там... инди... индивидуальность. А то, как с бодуна глаза открою, так не понимаю: то ли у себя дома, то ли у Петьки Кабанова, то ли у тебя, то ли в трезвяке заночевал. А теперь – опа! Моя, родная комната. Ни у кого такой нет, опять же экономия. Вместо новых обоев пива там или водочки купить можно.

Сивухин, разглядывая «художества» Козябкина, резонно заметил:

– А на всю комнату у тебя не хватит, маловато. Добавить надо.

Козябкин согласно кивнул головой и ответил:

– Ничего, мне ребята с завода обещали помочь. А пока только одну стену оклею у кровати. А ты чего пришел-то? – поинтересовался Козябкин.

Костик тут же вспомнил, чего ради он приперся к соседу.

– Козябкин, – торжественно обратился он к соседу, – я знаю, ты – Человек!

Козябкина такое обращение несколько насторожило, он отложил ножницы и произнес с видом мученика, язвенника-трезвенника:

– Я сегодня не пью, мне во вторую смену. У нас там заказ срочный...

– Да я не за этим, – досадливо поморщась, перебил его Костик.

– А за чем? – удивился Козябкин, поскольку Сивухин обращался к нему всегда только с одной просьбой – выпить.

– Козябкин, у тебя костюм есть?

Брови Козябкина поползли вверх.

– ???

– Да, костюм, костюм, – повторил Костик Сивухин для пушей убедительности два раза. – И галстук.

Последний вызвал у Козябкина гомерических хохот. Огромное тело простого рабочего парня сотрясилось от смеха, из глаз текли слезы, а щеки покрылись красными пятнами. Отсмеявшись, Козябкин спросил:

– А гаврюха тебе зачем? Жениться собрался, что ли?

Сивухин с видом оскорбленной невинности, глядя прямо в глаза соседу, нагло соврал:

– Да, собираюсь жениться. На вдове. Очень состоятельная дамочка, у нее ларек сигаретный возле остановки. Нуждается в серьезном мужчине, для жизни, бизнеса и интеллигентных бесед (последние слова вырвались из уст Сивухина сами собой. Ложь, выпущенная на свободу, уже жила и действовала по своим правилам, не зависящим от Костика). У меня смотрины, а надеть нечего.

«Нет, все же надо было мне в артисты идти, – самодовольно подумал Сивухин. – Вру, как по-писанному».

Козябкин недоверчиво посмотрел на заморыша-соседа, но Сивухин был так убедителен, так горд... Чего только не бывает на свете, может, и вправду... Кто этих баб разберет...

Козябкин в раздумьях почесал голову. Из мужской солидарности надо было бы помочь соседу. Вот только как? Размеры дородного Козябкина и замухрышистого Сивухина явно не совпадали.

Козябкин открыл дверь шифоньера, приглашая Костика заглянуть внутрь. По комнате распространился густой запах смеси нафталина, лаванды и чего-то еще. На вешалках висели старые, но добротные костюмы времен расцвета отечественной швейной промышленности. Ткань кое-где была подпорчена молью (эта летающая прожорливая тварь, этот ужас, портящий гардеробы граждан, была неистребима, как вечно живой Терминатор). Козябкин боролся с ней всеми доступными средствами – от народных до промышленных. Он даже использовал отравляющее вещество из почти военной спецлаборатории. Безрезультатно. Козябкин подозревал, что моль давно уже жрет нафталин и получает от него кайф, словно наркоман от хорошей дури. Иначе чем можно объяснить тот факт, что, чем больше сыплешь нафталина, тем больше появляется моли в твоей квартире?

Сивухин заглянул внутрь, громко чихнул и протянул руку за костюмом из темно-коричневой шерсти, который был меньше всего испорчен. Он снял пиджак с вешалки и накинул на себя. Козябкин молча указал ему на зеркало, висящее на стене.

Да... Зрелище было еще то... В зеркале отражался форменный урод в коричневом пиджаке. Рукава свисали до колен, придавая облику какую-то обезьяноподобность, огромные плечи делали и без того тонкую шею какой-то страусиной. Полы пиджака болтались где-то у самой земли.

– Ты это... не расстраивайся, – утешая его, проговорил Козябкин. – Мы это дело сейчас, мигом.

Козябкин выскочил из комнаты и постучался к соседям, вернее к соседке. За стенкой жила разбитная разведенка Зиночка, которая лелеяла мечту создать семью с Козябкиным. Поэтому она всегда с готовностью и энтузиазмом откликалась на любые его просьбы. Собственно, на это и рассчитывал коварный Сивухин, обращаясь к Козябкину. Ему, Сивухину, ни одна бы дамочка коммунального рая не пришла на помощь. А вот холостому, хорошо зарабатывающему Козябкину...

Через час Сивухин, благодаря золотым рукам Ниночки, стал счастливым обладателем почти подогнанного по своей фигуре костюма. Подогнанный, это, конечно, мягко сказано. Огромные плечи все время съезжали за спину, как крылья. Брюки время от времени нужно было подтягивать. Если бы прохожие заглянули под пиджак Костика, они увидели бы странную конструкцию, поддерживающую брюки Сивухина на его тощей заднице. Конструкция состояла из двух пар подтяжек и солдатского ремня. Но, как говорится, на безрыбье и зонтик парашют.

Первая фамилия из списка была звучной, но странной – Бульдозер. Впрочем, как и вторая – Удав. И третья – Череп, и четвертая – Могила и все остальные. Но это, уж извините, кому какие родители достались. У одного папа с фамилией Франкенштейн, у другого – Кривозадов, у третьего – Лютиков. Не всем же повезло, как Сивухину. С такой фамилией и жить приятней. Примерно так рассуждал Костик, добираясь до своего первого журнала. Он уже воображал, как возьмет журнал и найдет марку...

Однако, на месте все оказалось сложнее. Сивухин добрался до нужной улицы и огляделся в поисках нужного дома. На этом месте оказался огромный пустырь, огороженный здоровым трехметровым железным забором с колючей проволокой, пущенной поверху. Костик достал бумажку еще раз и прочитал адрес: «Мокряковский тупик, дом 1».

Тупик был, а вот домов ни первого, ни второго, ни вообще какого-нибудь, не было. Костик заметался в поисках прохожих, которые могли бы направить его в нужном направлении. Но прохожие Мокряковский тупик почему-то обходили стороной. Сивухин понуро побрел вдоль забора, в надежде наткнуться на калитку, ворота, проход. Время от времени он приставлял свое чуткое ухо к холодной металлической поверхности и прислушивался... Там была жизнь! Там кто-то был! Люди. Эти люди могут что-нибудь знать про дом номер один. Только как до них добраться? Эта мысль все время подстегивала Костика, заставляла его бежать вдоль забора, как скаковую лошадку, подгоняемую кнутом наездника-жокея.

Вход за огороженную забором территорию существовал на самом деле. Только обнаружение ворот не сделало задачу Костика проще. Вход-то был, только не для всех. Ворота были заперты, сверху над ними были пристроены две камеры наружного наблюдения, которые неотрывно, словно сторожевые собаки, следили за каждым движением Сивухина.

«Интересно, чего тут охраняют? Может, правительственный объект или военная база?» – пронеслось в его голове.

Но отступать было некуда, Костик повнимательнее пригляделся к ровной поверхности ворот и увидел на расстоянии вытянутой руки маленькую пупочку звонка.

Сивухин перевел дух. Раз есть звонок, значит, внутри все же кто-то живет. Зачем, спрашивается, нужен звонок, если там никого нет? А если там кто-то есть, значит, они могут подсказать, куда девался дом номер один по Мокрухинскому тупику. Костик приподнялся на цыпочки и, едва дотянувшись до звонка, нажал на кнопку. Через несколько секунд откуда-то сверху раздалось рычание, фырчание, металлический скрежет и Сивухина спросили:

– Что нужно?

– Мне бы это... водички попить... – выпалил ни с того ни с сего в конец растерявшейся Сивухин.

В ответ на совершенно банальные слова Костик услышал такое витеватое ругательство, что ему стало нехорошо. Оно, конечно, и Костик не в пансионатах для благородных барышень воспитывался, но тот, кто сейчас находился по ту сторону ворот, был асом в своем деле и мог за пояс заткнуть не только Сивухина, но и всех его знакомых. Если бы не марка, Костик давно бы уже сбежал из этого неприятного местечка.

Костик решил переждать, пока поток красноречия не утихнет, и снова нажал на кнопку звонка. Все тот же голос поинтересовался, что ему нужно:

– Скажите, а это дом номер один, Мокрухинский переулок? – спросил он, собрав все свое мужество. И добавил. – Мне бы тов... госп... Бульдозера.

Двери бесшумно разъехались на две половинки, впуская Сивухина внутрь. Костик огляделся – огромный забетонированный двор без единого кустика и других признаков зелени. Несколько джипов у крыльца двухэтажного домика с решетками на окнах. На крыше несколько накачанных рябят с бритыми головами. На жилой дом смахивало все это отдаленно. Что бы это могло быть? И кто такой этот Бульдозер? Возле самого забора стояла будочка со стеклянными окнами-витринами, напоминающая скворечники ГАИшников. Наверное, оттуда открывают и закрывают двери, следят за тем, что делается снаружи.

Оттуда к Сивухину уже спешил дюжий молодец в черных джинсах и футболке, четко обрисовывающей все накаченные бугристости. Рядом с ним без поводка и намордника трусила, высунув язык, огромная страшная собака, наверняка родственница собаки Баскервилей.

Костик сделал шаг навстречу идущему, потом отступил назад, переступил с ноги на ногу и замер, рассудив, что лучше остаться и подождать охранника на месте. Мало ли, что может прийти в голову этой псины? За людей нельзя поручиться, а уж за собак тем более...

Чем ближе охранник подходил к Костику, тем страшнее ему становилось. Костик уже мог разглядеть свирепую физиономию парня, недвусмысленный рисунок на его футболке (череп с костями, надпись сделанную красными буквами: «Он меня достал, не делай этого...»). Сивухин уже принял эту надпись на свой счет, раздумывая, не напрасно ли он ввязался во всю эту авантюру? В общем, когда парень приблизился к Сивухину, он уже просто ничего не соображал от страха.

– Мужик, тебе водички от Бульдозера надо? – спросил охранник.

– Бульдозер, бульдозер... – промямлил Сивухин.

Как ни странно, охранник понял Костика, он кивнул и поманил Сивухина за собой. Они подошли к крыльцу дома, похожего скорее на крепость, чем на обыкновенное жилье. У входа Сивухина обыскали два парня, однойцевые близнецы охранника с черепом на майке. Бритые, накачанные, с бандитскими рожами. Затем Сивухина впустили внутрь, показали на диванчик у лестницы и приказали ждать. Ждал Костик долго, минут пять. Эти минуты показались ему вечностью. Сивухин пару раз умирал от страха, возрождался и снова умирал. В холле странного дома кипела жизнь. То и дело тренькал мобильник, туда-сюда сновали молодые люди, у которых подозрительно оттопыривались карманы брюк или подмышки пиджаков.

Наконец-то Сивухина позвали. На лестнице появился молодой человек весьма благообразного вида. Коротенькая аккуратненькая стрижечка, очки в тонкой металлической оправе, папочка подмышкой. Ни дать, ни взять секретарь важного министерского чиновника. Костик приободрился, приготовившись импровизировать про журнал по ходу дела. Ну, не съедят же его здесь в конце концов? Тем более, что люди приличные.

«Секретарь» обернулся к Костику и сказал:

– У Бульдозера всего пятнадцать минут, ему на сходняк валить надо. Без лишнего базара, зря не бакланить. Усек?

Сивухин чуть с лестницы не свалился. Облик очкарика-секретаря и его лексикон совершенно не соответствовали друг другу. Сивухин не успел опомниться, как оказался внутри полупустого кабинета. Понятно, что это кабинет. Один стол, два кресла. Тот, кто сидел за

столом, несомненно и был Бульдозером. Мужик небольшого роста с огромными кулачищами, выступающими скулами и лысым черепом оправдывал свое прозвище. Он был самым настоящим Бульдозером, по-другому его просто никак нельзя было назвать. Бульдозер молча изучал поверхность полированного стола.

Костик улыбнулся и поздоровался:

– Здрасьте!

Человек-бульдозер никак не отреагировал на его приветствие – видно был увлечен исследованием царапин или фактурой дерева.

Костик для приличия помолчал, ожидая встречного приветствия, и обратился к Бульдозеру:

– Мне бы ваш журнальчик посмотреть, – начал Костик без всякого вступления, потому что не знал, как начать.

Бульдозер, мрачно взглянув на Сивухина, вытащил откуда-то из-под стола журнал, похожий на «XXL», и швырнул Костику. Глянцевая обложка раскрылась и на полированную поверхность стола высыпались какие-то фотографии. Сивухин наклонился, присматриваясь. На фотографиях был изображен толстый румяный мужик с маленькими, как у поросенка глазками и усиками под носом «а-ля Фюрер». Мужик был снят в разных ракурсах и в разной одежде. Было ясно, что «модель» о фотографировании не знала. Снимали откуда-то с приличного расстояния на улицах, в кафе.

Бульдозер кивнул на фотографии и произнес:

– Сделать так, чтоб смахивало на несчастный случай.

Сивухин уставился на бандита, ничего не понимая. Он снова попытался объяснить, зачем пришел:

– Я к вам от Букиниста, понимаете, в чем дело? У вас есть журнал «Будни...»

– Упырь, Упырь! – неожиданно заорал человек-бульдозер.

Костик ойкнул и вжался в стену. Он решительно ничего не понимал. Вернее, кое-о-чем он уже догадывался. Этот самый Бульдозер никакой не коллекционер, а самый настоящий бандитский авторитет. Вот только на фига ему журнал нужен был?

В дверь просунулась голова «секретаря». Бульдозер обратился к нему:

– Упырь, ты че за баклана мне привел, в натуре? Кто такой Букинист? Подстава?! Мать вашу! Приличного мочилу найти не можете, уроды!

Молодой человек, прозвище которому так же не подходило, как и его лексикон, удивленно уставился на Костика. И тут же начал оправдываться:

– Бульдозер, ты че, мамой клянусь! Падлой буду... Этот баклан пароль назвал. Как и договорились. Сначала водички попросил, потом адрес назвал и твое погнало. Я тут ни при чем. Это Черепушка все напутал. Я сейчас разберусь. То-то я смотрю, мужик какой-то хлипкий. Ну ладно, думаю, может, это у него прикид такой, под лоха косит, чтоб менты не вязались. А жмурикам, им все равно, кто их жмуриками сделает... А тут вон оно что...

Упырь-«секретарь» схватил Костика за шиворот и потащил из кабинета. Костик, на ходу вырываясь, пытался объяснить, что произошло досадное недразумение. Простая ошибка. Что, вероятно, ему нужен не тот Бульдозер, вернее бульдозер, но не он, а его журнал «Будни механизатора».

Костику повезло. Били его недолго и с лентой. В конце концов, они поверили, что пароль несчастный Сивухин назвал чисто случайно. К тому же, наконец, появился именно тот, кто знал пароль, и Сивухина выкинули за ворота, дав для легкости полета полновесного пинка. Костик, сидя посреди пустого Мокрухинского тупика, грозил небу кулаком и громко клял гада-продавца, рост преступности в стране, бездействие и продажность милиции, а также свою горькую судьбинушку. Ну ничего, когда он доберется до заветной марки, он им покажет...

Сивухин отряхнул одежду и поплелся в сторону остановки. Ничего, уговаривал он себя. Это просто ошибка. Букинист случайно внес в список этот адрес, возможно, Бульдозер у него что-то покупал... А, может, просто совпадение. Мало ли на свете Бульдозеров? (Хотя последнее предположение было самым бредовым, но что не сделаешь, что бы успокоить себя любимого.)

У остановки стоял ларек, в котором торговали спиртными напитками на вынос. «Мини-закусочная». Название оправдывалось, закусочного здесь на самом деле было мини: орешки, чипсы и кукурузные хлопья. Зато всего остального – в избытке. Костик заказал себе рюмку «Анны-Палны» (костюмчик не позволял купить обычного пойла, требовал чего-то посолиднее. Поэтому Костик и купил себе пару рюмок «Анапы»), потом еще одну и залакировал все это кружечкой пивка. Выпив, Костик рассудил трезво... Неудачи не должны останавливать искателей приключений. Он отправился по следующему адресу. Тем более, что сейчас в его жилах бурлил заряд энергии, смелости и предприимчивости.

* * *

Счастливые обладатели списка, Макс и Филимон, направились к остановке общественного транспорта. Максим что-то обдумывал, улыбаясь своим мыслям. Филимон семенил где-то рядом, едва успевая за большими шагами Максима.

– Ну что ж, начнем, пожалуй, – проговорил Макс.

– С чего? – поинтересовался Филя.

Макс усмехнулся и ответил вопросом на вопрос:

– Ты в клубе «Сераль» был когда-нибудь?

Филимон недоуменно покачал головой:

– Это что-то из кавказской кухни? – поинтересовался он. – Я вообще-то острое не очень люблю.

– Ага, – насмешливо ответил Макс. – Из кухни.

Он оглядел тощую фигурку Филимона, слегка осовремененную одеждой, и добавил:

– А как ты к стриптизу относишься?

Филя покраснел, как второгодник-третьеклассник, пойманный за подсматриванием в замочную скважину девчачьей раздевалки:

– Н-незнаю, но если для дела надо, то...

Максим захохотал, так громко, что обратил на себя внимание двух старушек, выгуливающих тощего котенка на длинном цветном поводке. Старушки неодобрительно закачали головами, помянув невоспитанную молодежь, которая носиться с утра до вечера по улицам и мешает мирным гражданам. Макс не обратил никакого внимания на бормотание злобных блюстительниц порядка.

– Нет, это не для дела, – отсмеявшись, произнес он. – Мы туда обедать пойдем, место там приличное, поговорить можно спокойно, да и кухня, опять же, замечательная, там все и обсудим.

– А причем тут стриптиз? – обиженно спросил Филимон.

Максим ответил:

– Да ни при чем, просто это мужской клуб со стриптизом, а у меня там приятель работает. Он мне кое-что достать должен. Ну и потом, добычу списка, начало, так сказать, нашей операции нужно отметить торжественно и незабываемо. Ты ведь в стриптизе ни разу не был? Не был. Значит, этот день надолго запомнишь. Да ты не обижайся, – сказал Макс, заметив, как надулся Филимон. – Я пошутил.

Всю дорогу до «Сералья» Филимон молчал, размышляя над тем, как он отстал от жизни. И вправду, почти полжизни прожито, а настоящий стрептиз ни разу в жизни не видел. Вот так и жизнь пройдет, а я...

«Сераль» находился в центре Кукуевска. Внешне клуб никак не напоминал злчное место. Он был совершенно не похож на те клубы, которые показывают в американских фильмах. Скорее уж на какое-то министерское здание, в стиле советского модерна. Однако, внутри все оказалось куда как интереснее. Лестница, ведущая вниз, была устлана ковром. Посетители попадали в просторное полуподвальное помещение, которые раньше занимали под ЖЭКи, клубы Детского творчества или тренажерные залы. Стены были расписаны сценками из «Тысячи и одной ночи», антураж дополняли раскиданные по углам плюшевые пуфики, на которых сидели девицы в огромных шелковых, почти прозрачных шароварах. Бюсты, едва прикрытые малюсенькими кусочками ткани а-ля болеро, держались на честном слове. Вернее, на одной крохотной пуговице. Пышные прелести девиц готовы были вырваться наружу навстречу посетителям. Одалиски, а девицы изображали именно их, курили кальян. Благодаря ему в помещении клуба пахло какими-то восточными пряностями и возбуждающими ароматами.

Другая лестница вела наверх в зал с круглой сценой посередине и крохотными столиками по периметру. Столики были поставлены на приличном расстоянии друг от друга и отделялись перегородками-кабинками. Посетители прекрасно видели все происходящее на сцене и были почти скрыты от посторонних глаз соседей. Так что поговорить, обсудить свои дела здесь можно было без посторонних ушей. Полумрак, царивший в зале, как нельзя лучше соответствовал.

Лоховский замешкался у входа, он старался не пялить глаза на прекрасных, полуодетых одалисок. Однако, чем больше он пытался их не замечать, тем больше краснел, уши выдавали его с головой. Они полыхали как маки на поле в яркое солнечное утро. Максим подтолкнул его в спину, приглашая подняться наверх. Филя огляделся. Пустых столиков в зале почти не было. Макс кому-то кивнул головой и появившийся из мрака официант подвел их к столику, расположенному в самом уединенном месте. Филя догадался, что Максим в «Серале» частый, почетный гость.

Максим заказал какие-то блюда, оставил Филимона, а сам удалился переговорить со знакомым. Филимон с любопытством разглядывал злчное местечко. Он с удивлением заметил, что за соседними столиками сидели вполне приличные и даже интеллигентные мужики. Почти никаких бандитских рож. В зале было даже несколько женщин. Это поразило Филимона больше всего. Если молоденькие дамы без стеснения приходят полюбопытствовать на стриптиз, то чего ему-то, взрослому человеку, с наметившейся проплешиной краснеть и стесняться.

Посетители за столиками ели, тихонько разговаривали, ожидая, очевидно, начала представления. Филимон с аппетитом принялся пробовать экзотические блюда, ароматные и пряные. Названий всего этого великолепия Лоховский не знал. Да это было и не важно. Главное, что вкус был «спессфический».

Заиграла музыка, и на круглой сцене появилась первая участница шоу. Приятная, аппетитная пышечка в костюме, состоящем из крохотных трусиков и маленьких звездочек, как будто приклеенных к соскам чрезвычайно пышных грудей. При появлении дивы мужчины перестали жевать и разговаривать, а женщины сморщили носики в презрительных гримасах, говорящих: «И это стриптизерша? Дорогой, я могу лучше».

Пышечка исполняла танец, состоящий из набора каких-то эротических телодвижений и элементов танца живота. Она довольно ловко крутила пупком на своем округлом гладеньком животике. В пупок была продета маленькая перламутровая бусинка, которая подрагивала в такт музыки, поднималась и опускалась вместе с пупком. Филя смотрел на эту бусину не отрываясь, поднять глаза выше или опустить ниже он не мог. Он боялся, что его дыхание остано-

вится, а сердце выскочит из груди. Чтобы немножко отвлечься от происходящего, Лоховский отправил в рот пряный кусочек блюда из баранины с труднопроизносимым названием.

Однако, как говорят, нет предела совершенству. Филимон чуть не подавился этим самым кусочком, когда танцовщица повернулась к зрителям попкой. Тонкий шелк трусиков, натянувшийся на тугих ягодицах, чуть не стал последним, что мог увидеть Филимон в своей жизни. Он отчаянно закашлялся, лицо его приобрело синюшный оттенок, а проклятый кусочек никак не хотел освободить дыхательные пути.

– Вот это сила искусства, ты даже жевать перестал! – услышал Филя насмешливый голос Макса. – Фил, ты в порядке? – поинтересовался Максим, заглядывая в лицо приятелю.

Лоховскому повезло, что бывший спортсмен обладал замечательной реакцией и хладнокровием. Мощным ударом по спине он протолкнул кусочек баранины, застрявший в горле Филимона.

– Ап, ап, ап, – с шумом заглатывая живительный воздух Филимон пытался восстановить дыхание. Сдавленным голосом он поблагодарил Максима за спасение.

– Да, Лоховский, нельзя оставить тебя ни на минуту, надо же, подавиться едой и умереть на стриптиз-шоу. Вот заголовочек для бульварных газетенки! Хорошо, что ты не депутат или какое-нибудь официальное лицо... Ладно, давай, выпьем, – предложил он Филимону, разливая по бокалам густое рубиновое вино. – За успех нашего предприятия!

Когда приятели допивали вино, пышечка закончила вариации на восточные темы, и ее место заняла высокая стройная блондинка, с пышной грудью и тонкой талией. На девушке одежды было еще меньше, чем на предыдущей артистке. Кусочек ткани с нашитыми блестками на ягодицах и длинные распущенные по плечам волосы, составляли весь наряд красавицы. Девушка двигалась иначе, чем ее предшественница. Танец напоминал скорее акробатические трюки, чем стриптиз. Она казалась гуттаперчивой, от ее шпагатов и кульбитов у Филимона закружилась голова, кровь застучала в висках, ладони вспотели.

Выступление были встречены бурными аплодисментами. Зрители, разогретые вином, музыкой и танцами, оживились. Девушка поклонилась и собралась удалиться, однако, ей помешал двухметровый детина с бандитской рожей. Красная морда (лицом это как-то сложно было назвать) на толстой шее, выглядывающей из дорого, стильного пиджака, не делала мужика симпатичным. Он поманил девушку пальцем, указывая за свой столик. Гуттаперчевая танцовщица покачала головой, извиняясь, и отказала. Красномордый не понял и не принял отказа, он выплюнул что-то обидное в лицо девушки и схватил ее за волосы, пытаясь подтащить к своему столу. В зале замерли, ожидая дальнейшей развязки.

Макс обернулся к сцене, привлеченный внезапной гнетущей тишиной в зале. Он допил вино, аккуратно промокнул салфеткой краешек губ и встал из-за стола.

– Мужик, – обратился Макс к краснорожему, – ты грамотный? Читать умеешь?

Краснорожий, не отпуская девушку, удивленно уставился на парня, задавшего странный вопрос:

– Ну?!

Максим спокойно, почти ласково проговорил, указывая на табличку, висевшую на стене:

– А если умеешь, прочти что написано.

Красномордый отпустил девицу, уставившись на стену, где висела табличка: «Просьба к посетителям: стриптизерш руками не трогать».

Максим воспользовался тем, что бугай отвлекся, нанес ему сокрушительный удар выпрямленными пальцами левой руки в солнечное сплетение. Тот отступил назад, согнулся пополам, и лицо его посерело. Из-за столика любителя тактильных ощущений выскочил здоровенный детина из братков. Он попытался незаметно сунуть руку под пиджак, но Максим вовремя заметил этот маневр. Филимон, напряженно следивший за развитием событий и готовый прийти на помощь другу, не заметил как и откуда у Макса в руках появился маленький

пистолет. Пистолет заметили и все присутствующие, поэтому они не делали никаких попыток вмешаться в происходящее, скорее наоборот, были солидарны с Максом.

– Надеюсь, вы не хотите запачкать костюмчик кровью? – любезно осведомился он. – И уж точно не хотите, чтоб я испортил его шкуру, – поинтересовался Максим, подчеркивая слова выразительным движением пистолета. Рука бандита остановилась на мгновение и опустилась вниз.

– Вернись на место, а мы поучим этого невоспитанного человека вежливости, – приказал Максим. – А ты, – обратился он к лежащему на полу краснорожему, – попроси прощение у девушки.

Краснорожий что-то промямлил, извиняясь перед трясущейся девицей, размазывающей по лицу слезы.

– Это не все, – проговорил Максим. – С вас компенсация за моральный ущерб. Скажем, баксов двести. Дадите, и мы мирно разойдемся.

Краснорожий кинулся доставать бумажник и дрожащей рукой протянул девушке купюры. Она взяла деньги и, всхлипывая, скрылась за кулисами. Снова заиграла музыка и на сцене появилась новая танцовщица.

Макс быстро подошел к Филимону и шепнул:

– Придется нам закончить трапезу в другом месте. Делаем ноги. Пока кое-кто не захотел взять реванш.

Филимон, с тревогой наблюдавший за тем, как краснорожий что-то тихо говорит в свой мобильник, указал на второго бандита, караулившего у выхода:

– По-моему, Макс, нам уже поздно.

– Не дрейф, Фил, – ободрил его приятель. – Вон наша Ариадна спешит, она нас выведет из этого лабиринта.

К их столику, действительно подошла, какая-то молодая девушка. Филимон не сразу узнал в ней ту, что выступала несколько минут назад на сцене. Сейчас она совершенно не походила на стриптизершу, скорее на студентку. Тоненький серенький свитерок, джинсы, волосы, стянутые резинкой в хвост.

– Сейчас на пару минут отключат свет, быстро двигайтесь за мной вон в тот угол. Там дверь, – сказала она.

Словно по волшебству в ту же самую минуту погас свет. Макс и Филимон нырнули вслед за девушкой. Когда свет снова включили, они оказались в пустом коридоре, поднялись по лестнице на второй этаж, снова спустились. Свернули налево и оказались в большой кухне, прошли, не обратив на себя ничьего внимания, к маленькой незапертой двери и оказались на улице.

– Ну все, пока. Спасибо, – проговорила девушка, целуя Макса в щеку и, помахав рукой Филу, растворилась в вечерних сумерках.

Макс быстро поймал такси. Проезжая мимо освещенного входа «Серая», Филимон заметил, как подъехала машина, под завязку нагруженная накаченными парнями. Навстречу ей выбежал приятель краснорожего. Филя поежился, представляя, что бы с ними было, задержись они хотя бы на минуту в клубе.

– Кто она? – шепотом спросил он у Макса.

– Не знаю, – произнес он. – Просто хорошая девчонка.

Филя обалдело уставился на приятеля:

– Ты хочешь сказать, что рисковал жизнью из-за незнакомой стриптизерши?

– Ну почему незнакомой, – закрывая глаза, произнес Максим. – Ее Мариной зовут, она мне свой телефончик дала.

Филимон вздохнул. Нет, он решительно отказывался понимать Максима. С другой стороны, именно с таким человеком можно найти марку, именно такого нужно иметь своим другом. В данный момент его больше всего волновало, откуда у Макса взялось оружие? Этот

момент и пугал, и интриговал одновременно. Пугал – Фильку Лоховского, а интриговал – Фила.

* * *

– Позвольте представиться, – церемонно проговорил крепыш с золотой фиксой, обращаясь к Мерзеевой. – Георгий Михеевич Нечитайло. Предприниматель. Коллекционер. Для друзей – просто Георгий, а для вас – Жора.

Нина Михайловна зарделась, изображая из себя институтку, и произнесла:

– Нина Михайловна Мерзеева, одинокая домохозяйка. Коллекционирую марки и журналы. Для вас – просто Нина.

Мерзеева лукавила, выдавая себя за коллекционершу. Она смутно представляла себе, чем занимаются коллекционеры. Считала это пустой тратой времени и сил. Нина Михайловна признавала только одну вещь, пригодную для собирательства – деньги. Их коллекционированием она готова была заниматься всю жизнь. Всех остальных собирателей считала чудаками. Сейчас же она срочно придумала себе хобби. Ей во что бы то ни стало нужно было заинтересовать этого мужчину. Такое поведение было (снизойти до того, чтобы заинтересовать мужчину, слишком много чести для этих грубых волосатых животных!) совершенно несвойственно мадам Мерзеевой, но желание поближе «познакомиться» и произвести впечатление, перевесило все принципы яростной феминистки.

Почему? Да потому что, Нина Михайловна Мерзеева нашла своего нового знакомого мужчиной приятным во всех отношениях. Было в нем что-то такое интригующе-загадочное. От него исходил приятный аромат денег, больших денег, а деньги Нина Михайловна любила больше всего на свете. Их она чуяла за версту, как чует поросенок (язык как-то не поворачивается назвать такую солидную даму свиньей), обученный на поиски трюфелей. Поэтому, когда крепыш пригласил ее в гости, «посмотреть журналы», Нина Михайловна с радостью согласилась.

Михеич, подхватив локоток Нины Михайловны, направился к баклажановому джипу, стоящему у тротуара. Мерзеева бросила восхищенный взгляд на эту махину, на мгновение замерла и выдала фразу, похожую на рекламный слоган: «Настоящий джип, для настоящих мужчин». Мерзеева, как женщина умная, прекрасно понимала, что путь к сердцу мужчины лежит через его коня, точнее машину. Все эти домостроевский штучки насчет сытной еды, якобы помогающей завоевать сердце мужчины, давно устарели.

Современного мужика на котлетки или пирожки с повидлом не возьмешь. Полуфабрикаты, доставка ресторанных обедов на дом, приходящие поварахи-домработницы сильно облегчили существование холостяков. И усложнили задачу толпам незамужних претенденток на руку, сердце и кошелек сильной половины человечества. Зато восхищение грудой железа, принадлежащего мужчине, можно этого самого мужчину сразить наповал. Есть в этом что-то на уровне генетической памяти. Вероятно так же действовало восхищение далеких пра-пра-женщин по поводу приученного дикого скакуна, принадлежащего такому же древнему пра-пра-мужчине.

Георгий благодарно улыбнулся в ответ на комплимент Мерзеевой и, любезно открыв перед ней дверцу, помог удобно устроиться в салоне. Там было уютно: удобные мягкие сиденья, как будто обнимали пассажиров. От них пахло дорогой кожей, хорошим мужским одеколоном и дорогими сигаретами. Нина Михайловна откинулась на спинку и закрыла глаза. Джип взревел и плавно двинулся с места. На губах Мерзеевой играла легкая блаженная полуулыбка, а мозги в это время с точной калькулятора подсчитывали стоимость машины, аксессуаров салона, одежды Михеича, его ботинок и золотых часов. Выходило на довольно приличную сумму.

Всю дорогу Нечитайло молча курил и любовался монументальным профилем своей пассажирки. В отличие от его всегдашних женщин, суетливых и болтливых, Нина Михайловна источала достоинство и спокойствие. Она не кинулась крутить ручку приемника в поисках мелодии попопсовее, не полезла в бар, не потребовала отвезти ее в крутой ресторан, а главное не стала расстегивать пуговички на своей кофточке, пытаясь тут же его соблазнить. Если честно Михеич в своих подружках ненавидел именно это – быстрый секс в салоне автомобиля. Такой секс был противопоказан потрепанному жизненными бурями и деловой активностью Нечитайло. Специальный доктор, услугами которого периодически пользовался Георгий Михеич, считал, что в сексе, как и в пище необходимо соблюдать строжайшую диету. И заниматься «этим» где попало, то же самое, что есть все подряд (жирное, жареное, острое) где попало: на улице, в переходах метро грязными руками и в дешевых забегаловках. Но ведь не станешь рассказывать о рекомендациях своего сексопатолога молоденьким девицам, пытающимся расстегнуть твои штаны?

С этими мыслями Михеич притормозил возле своего дома.

– Приехали, Ниночка, – сказал Михеич, выпуская даму из салона автомобиля.

Нина Михайловна огляделась, едва сдерживая вопль отчаяния. Увы! Дом в котором жил, по всем показателям богатенький, Жора, оказался обыкновенной коммунальной хрущевкой. Нина Михайловна сама жила в трех дворах отсюда. Эти грязно-серые дома, подъезды которых уже тридцать лет не видели ремонта, эта дрянная сантехника, коммунальные клоповники... Розовая сказка развеялась как дым. «Может у него это квартира для тайных встреч», – пронеслось у нее в голове. Но на женатого мужчину Жора был не похож.

Нечитайло уже открывал потрескавшуюся, давно некрашенную дверь в подъезд, ожидая пока Нина Михайловна поднимется по ступенькам крыльца. Она неохотно проследовала внутрь за мужчиной. Яркая лампочка резанула по глазам. Мерзеева на секунду закрыла глаза. Затем снова закрыла и снова открыла. Вместо ожидаемого грязного, пропитанного вонью коммунального бесхозного подъезда, она увидела нечто из области евродизайновой фантастики. Совершенно чистые белые стены, (то ли обои, то ли специальная краска), лестница с дубовыми перильцами, пять почтовых ящичков, похожих на сказочные скворечники. На лестничной клетке первого этажа за конторским столиком сидел здоровенный парень в камуфляжке и трепался с кем-то по сотовому.

Увидя вошедших, парень привстал, не прекращая разговора расплылся в улыбке и кивнул головой. Нина Михайловна тихонечко ущипнула себя, пытаясь прогнать галлюцинации. Не помогло. Подъезд оставался все таким же чистым, отремонтированным и с охранником в придачу. Михеич неторопливо проследовал наверх, жестом приглашая Мерзееву подняться за собой.

– Тут до нас, раньше коммуналки были, а потом жильцов рассортировали по отдельным квартирам. Соединили по две коммунальные секции, отремонтировали и получилась конфетка. Соседние подъезды, правда еще коммунальные, зато у нас красота. Потолки высокие, просторно, удобно.

Нина Михайловна на минуту представила, как было бы хорошо, если бы ее соседей не было. Картинка получилась прелестная. Мерзеева вздохнула с сожалением. Увы!

Квартира Нечитайло находилась на третьем этаже, открыв тайзеровскую дверь с дополнительными запорами, хозяин пропустил Нину Михайловну внутрь.

– Ниночка, вы не бойтесь, у меня тут собачка...

Дальнейшие слова Нечитайло были заглушены громким злобным рычанием, перемежающимся с лаем. Нина Михайловна взвизгнула, отпрянула назад, наскочила на Георгия Михеича и опрокинула его на пол.

Хорошо, что Мерзеева дамочка была закаленная и не лишилась чувств, а то Нечитайло принял бы мучительную смерть, погребенный под тушей милейшей Нины Михайловны.

Задыхаясь под тяжестью ее тела, Георгий прохрипел:

– С... слезь, с... лезь, кому говорю, с меня.

Нина Михайловна, быстро сообразившая, что здоровенная псина, толстой цепью прикована к стене и на нее не броситься, со всей живостью на которую только была способна сползла с хозяина квартиры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.